

XVII Международные Рождественские образовательные чтения

ПРОСЛАВЛЕНИЕ И ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ

Материалы конференции

Москва

17 февраля 2009 г.

XVII Международные Рождественские образовательные чтения

ПРОСЛАВЛЕНИЕ И ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ

Материалы конференции

Москва 17 февраля 2009 г.

Содержание

Протоиерей Владислав Цыпин

Богословско-канонические основания прославления святых4

Игумен Дамаскин (Орловский)

Методология и практические особенности исследования
подвига новомучеников и исповедников Российских..... 12

Протоиерей Георгий Митрофанов

История канонизации Царственных страстотерпцев 26

Игумен Митрофан (Баданин)

Проблема достоверности средневекового агиографического
материала на примере житий святых Кольского Севера33

Игумен Иоанн (Самойлов)

Молитвенное прославление святых43

Кривошеева Н.А.

Новомученики Русской Православной Церкви -
члены Поместного Собора 1917-1918 гг.,53

Протоиерей Владислав Цыпин, *профессор Московской Духовной Академии, член Синодальной Комиссии по канонизации святых, клирик города Москвы*

БОГОСЛОВСКО-КАНОНИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОСЛАВЛЕНИЯ СВЯТЫХ

Церковь Христова пребывает не только здесь, на земле, но и на небе, и к Церкви, торжествующей на небесах, принадлежат не только небесные бесплотные силы, но и «честнейшая Херувим и славнейшая Серафим» Божия Матерь, а также души усопших праведников. Между христианами, живущими на земле и отошедшими в иной мир, продолжается общение, которое выражается как в наших молитвах об усопших, так и в заступничестве за нас пред Престолом Вседержителя Его угодников в ответ на наше молитвенное обращение к ним. Святые, пребывая вместе с ангелами в Царстве Небесном, возносят молитвы Богу за чад церковных и за весь мир. Православная Церковь заповедует своим чадам призывать святых в своих молитвах, благоговейно почитать их иконы и мощи, но почитание святых не равнозначно поклонению и служению, которое воздается христианами единому только Богу. И восхваляя подвиги святых угодников, православные христиане относят воздаваемую ими честь самому Творцу, благодатию которого они достигли святости, стяжали дары Святого Духа.

Суд над усопшими творит Господь, Он один ведает участь, уготованную каждому из нас. По Церкви, которая является столпом и утверждением истины (1 Тим. 3:15), открывается, что некоторые из почивших угодили Богу своим святым житием, достигли вечного блаженства и предстательствуют за нас перед Его Престолом. Прославленные Богом, они прославляются и Церковью. Признание Церковью того или иного из ее усопших членов состоящим в сонме угодников Божиих и называется канонизацией. В область церковного права канонизация входит постольку, поскольку она подразумевает, как писал Е. Темниковский, «допущение или предписание чествовать в Церкви умершего ее члена... иначе говоря, установление его культа»¹.

Известный русский церковный историк Е.Е. Голубинский, рассматривая вопрос об условиях причтения к лику святых в Древней Церкви, разделял древних святых на три разряда: первый разряд – это ветхозаветные патриархи и пророки и новозаветные апостолы; второй - мученики; третий - «святые, относительно которых необходимо думать, что Церковь признавала их не по причине принадлежности их к известному классу, а потому, что лично того или другого из них считали достойным сего признания. Это святые из подвижников (аскетов)»². Ветхозаветных святых и новозаветных апостолов Церковь почитала изначально. Древние христианские мученики издревле почитались как святые уже по самому факту пролития ими крови за Христа. Для их прославления не было необходимости в особенно тщательном предварительном исследовании их житий. До обращения они могли, подобно благоразумному разбойнику, быть и закоренелыми грешниками.

Что же касается иерархов - святителей, то, по мнению профессора Е.Е. Голубинского, вначале они принадлежали к первому разряду, т. е. причислялись к лику святых наравне с апостолами уже в силу самой их принадлежности к иерархии, а потом стали прославляться наравне с подвижниками, за их личные достоинства. В доказательство того, что древние архиереи причислялись к лику святых уже по самому своему положению, если, конечно, они не отпадали в ереси или не были лицами с заведомо сомнительной репутацией, Голубинский приводит такие сведения. Из 74 епископов, занимавших Константинопольскую кафедру с 315 по 1025 гг., не были прославлены только 18 еретиков и 7 православных, причем только о трех из них достоверно известно, что они не были канонизированы, другие 4 иерарха, возможно, и почитались некоторое время. А если взять списки Константинопольских епископов с 315 по 846 гг., то из 58 иерархов прославлено 30, 18 епископов были еретиками,

и только двое - Акакий и Флавита - не прославлены, хотя и не были явными еретиками, но православие их под подозрением, так как они пытались примирить диафизитов с монофизитами на основании эотикона Зенона. Патриарх Акакий к тому же умер под анафемой папы. Но с XI в. Константинопольские Патриархи причисляются к лику святых уже только в связи с их личными достоинствами.

Относительно канонизации подвижников, т.е. третьего разряда святых, Е.Е.Голубинский писал, что Церковь признавала и признает их святыми «на основании сверхъестественного свидетельства о них самого Бога, Который тех или других между ними удостаивал дара чудотворений еще при жизни или по смерти. Не предполагая этого единственного твердого и не зависящего от человеческих пристрастий основания, мы должны были бы думать, что в признании подвижников святыми господствовал в древнее время произвол, чего думать, конечно, нельзя. Читая жития древних подвижников, причисленных к лику святых, мы почти не находим между ними таких, которые бы не обладали даром чудотворений еще при жизни; а эта общая принадлежность дара чудотворений подвижникам, признанным Церковью за святых, и дает полное основание предполагать, что сей именно дар и был причиной их причтения к лику святых»³.

Несколько иную последовательность событий, сопровождающих прославление угодников Божиих в древности, в отличие от синодального периода, выстраивает Е.Темниковский: «Слава святой жизни того или другого подвижника не умирала вместе с ним; благочестивый подвижник... становился предметом народного чествования, сначала, быть может, в сравнительно незначительном районе, который с течением времени мог расширяться. Таким образом являлся культ святого. К нему постепенно присоединялись и церковные власти, прежде всего местные, затем иногда и центральные, соответственно с тем, как широко распространялся культ святого. Присоединение церковных властей к народному культу, дававшее последнему официальное значение, не было каким-либо формальным актом вроде современной канонизации, а совершалось постепенно... Вера в чудеса подвижников, конечно, входила в качестве составной части в религиозный культ святых... но она не составляла здесь исходного момента и тем менее единственного основания почитания святых, исходным моментом и основанием его, хотя, быть может, не единственным, было убеждение в святости жизни подвижников»⁴. В связи с этим рассуждением Е.Темниковского уместно заметить, что в новейший период при канонизации святителей и преподобных посмертное почитание подвижника является одним из условий прославления святого.

В Русской Православной Церкви, по исследованию Е.Е.Голубинского, сам порядок канонизации складывался последовательно из записывания чудес и донесения о них начальству, из дознания о достоверности чудес, производимого церковной властью, и, наконец, из самой канонизации. Профессор Н.С.Суворов, возражая профессору Е.Е.Голубинскому, писал, что порядок этот не всегда соблюдался. Известны случаи, когда чудеса без всякого предварительного обыска, вслед за их оглашением, сопровождались колокольным звоном и церковным торжеством. Но и Е.Е.Голубинский признавал, что иногда «подвижники становились святыми без нарочитой канонизации»⁵. В синодальную эпоху сам акт канонизации, по характеристике Е.Темниковского, происходил так: «Святейший Синод, удостоверившись в наличии оснований для причтения подвижника к лику святых, подносит Государю всеподданнейший доклад, в котором излагает самое дело и свое мнение по нему. Доклад утверждается резолюцией Государя; при этом иногда назначается и особый день для церковного торжества, соединяемого с открытием мощей угодника... свое действие и силу канонизационный акт получает только с момента торжества»⁶.

Святые Православной Церкви разделяются на общецтимых и местнотчимых. Местные святые почитаются только в отдельной части Церкви, чаще всего в пределах одной или нескольких епархий, но иногда также лишь в одном монастыре или даже только в одном приходе.

Что же касается святых общецтимых, то таковыми у нас считаются как святые, чтимые Вселенской Церковью, то есть во всех поместных Православных Церквах (во многих случаях

они почитаются и в Католической церкви и в нехалкидонских церквях; прежде всего это относится к ветхозаветным пророкам и патриархам, новозаветным апостолам и многим древним мученикам, святителям и преподобным), так и святые, почитаемые только в одной Поместной Церкви, в частности, в Русской или в нескольких поместных Церквях. При этом Поместные Церкви, совершая канонизацию, извещают другие Поместные Церкви о состоявшемся прославлении новоявленного угодника, и высшей властью этих Церквей имя новопроставленного святого может быть внесено в святцы также и этих Церквей. Так, во второй половине XX столетия в наши святцы были внесены имена многих угодников, канонизованных другими Православными поместными Церквями, в том числе и русских по происхождению. Так, 19 июля 1962 г. Священный Синод постановил внести в календарь Русской Православной Церкви прославленного ранее Константинопольским Патриархатом и Элладской Церковью святого исповедника Иоанна Русского. В марте 1969 г. Собор епископов Русской Православной Церкви в Америке совершил прославление просветителя алеутов преподобного Германа Аляскинского, выходца из Преображенского Валаамского монастыря. Имя преподобного Германа после его прославления в Америке уже в 1970 г. было внесено в святцы Русской Церкви. Уже в ближайшее к нам время, в 1993 г., имя канонизированного в 1988 г. Константинопольской Церковью русского по происхождению святого преподобного старца Силуана Афонского было также внесено в календарь Русской Церкви.

Канонизация местночтимых святых в разные эпохи совершалась по-разному, в настоящее время она совершается правящим архиереем епархии после предварительного благословения на прославление угодника со стороны Предстоятеля Русской Церкви Святейшего Патриарха. Что же касается характера почитания и критериев канонизации, то он одинаков и для местночтимых святых, и для святых Вселенской Церкви. И общечтимые и местночтимые святые одинаково призываются в общественных церковных молитвах, в их честь составляют службы, во имя их освящаются престолы и храмы, им устраиваются ежегодные празднества, их изображения почитаются как иконы; почитаются также их мощи. Жития святых, а также написанные ими сочинения служат назидательным чтением для христиан.

Но прославление святого, вопреки существующим превратным представлениям, не обозначает признания совершенно безукоризненными всех его дел и поступков. Без греха, по нашей христианской вере, из всех рожденных от Адама единый только Господь Иисус Христос, но этого нельзя утверждать относительно прославленных угодников Божиих. Не менее важно также отметить, что при исключительно высокой авторитетности всего сказанного и написанного святыми, Церковь не усваивает их мыслей и их писаниям непогрешимости. Даже когда мы имеем дело с творениями отцов Церкви, необходимо давать себе отчет в том, что истиной признаются Церковью не все вообще мысли, содержащиеся в них, но только те положения, в которых обнаруживается *consensus patrum* - согласие отцов, выражающее само Священное Предание Церкви.

Православных христиан не должны смущать разногласия и споры между святыми, жившими в одну и ту же эпоху, по тем или иным вопросам, не затрагивавшим самих догматов веры, и даже иногда имевшие место разделения в евхаристическом общении между ними. Так, в эпоху между I и II Вселенскими Соборами Церковь, получившая мир от внешних гонений, переживала тяжелый внутренний кризис. Защитникам православного Никейского тринитарного догмата противостояли носители разных версий арианских и полуарианских еретических учений. Но ситуация осложнена была еще и тем, что не было полного единства и даже евхаристического общения между всеми православными. На одной стороне были св. Афанасий Великий, его приверженцы в Александрийской Церкви и Западная Церковь, возглавляемая в 370-е гг. папой Дамасом, а на другой - так называемые новоникейцы: св. Василий Великий, другие отцы-каппадокийцы, св. Кирилл Иерусалимский, св. Мелетий Антиохийский. Часть православных на Западе и в Египте подозревала их в «полуарианстве». Противостояние между православными группировками особенно остро и болезненно проявилось в Антиохийской Церкви, где было тогда два епископа, занимавших

эту высокую кафедру, которые, естественно, друг друга не признавали и не имели общения между собой: св. Мелетий, находившийся в общении со св. Василием Великим и другими новоникейцами, и Павлин, который имел общение со св. Афанасием, папой Дамасом и всею Западной Церковью. Св. Мелетий, на стороне которого было большинство антиохийцев, был принят в общение с папой Дамасом и православным Западом, а также последователями св. Афанасия в Александрийской Церкви в 379 г. на Антиохийском Соборе уже после кончины святых Афанасия и Василия. И вот Церковь почитает как святых и Афанасия Великого и Мелетия Антиохийского, между которыми канонический разрыв оставался до самой кончины св. Афанасия Великого непреодоленным.

До известной степени подобная ситуация сложилась в Русской Церкви в эпоху гонений на нее, в 1920-1930-е гг., когда в ней возникли разделения, вызванные главным образом именно этими гонениями. Чашу страданий испили тогда и лица, которые пребывали в расколах и разделениях. Встал вопрос о том, можно ли их тоже считать мучениками в строго церковном смысле слова, иными словами, существует ли возможность церковного прославления тех, кто завершил свою земную жизнь в разделении или расколе.

Отвечая на этот вопрос, удалось избежать упрощения. Есть несомненная разница между расколами, которые либо граничат с ересью, то есть возникли вследствие глубоких заблуждений эклезиологического характера, либо происхождением своим обязаны преступному властолюбию, самоволию и всякого рода бесчинным акциям церковных раздорников, с одной стороны, а с другой - теми разделениями, которые появились в церковной среде вследствие разного видения путей адекватного реагирования на бедственные для Церкви явления и которые изживались Церковью в исторически короткие сроки. Давая оценку разделениям, возникшим в нашей Церкви в 20-е гг., нельзя было ставить в один ряд обновленческий раскол, с одной стороны, и «правую оппозицию» - с другой. Обновленчество приобрело характер откровенного раскола в 1922 г., когда, захватив канцелярию Патриархии во время пребывания Предстоятеля Русской Церкви под арестом, группа священников, никем не уполномоченная, объявила о создании Высшего Церковного Управления (ВЦУ), включив в его состав только двух епископов по своему выбору, один из которых был под запрещением, тем самым оно нанесло предательский удар по Церкви. В дисциплинарной практике обновленцами был погран канонический порядок церковных установлений (многоженство священнослужителей, так называемый «белый» епископат). Все это не только в работах историков, но и на уровне авторитетных постановлений церковной власти получило однозначную оценку как квалифицированный раскол: при присоединении к Православной Церкви кающихся обновленцев рукоположения, полученные ими в расколе, не признавались действительными. В конце 1930-х гг. жертвами репрессий были и отдельные обновленческие деятели, но ведь в те годы погибли многие из тех, кто вообще никакого отношения к Православной Церкви не имел, погибали и сами недавние носители, и даже вожди, атеистической власти. Поэтому сделан был вывод о том, что ставить вопрос о возможной канонизации таковых лиц необоснованно. Аналогичный вывод сделан был и относительно других расколов: григорьевского и самосвятского.

Но в своей дисциплинарной практике Священноначалие иначе, чем к обновленцам, относилось к присоединяемым из непоминающих: они принимались по покаянии в сущем сани. В действиях «правых» оппозиционеров, часто называемых «непоминающими», нельзя обнаружить явно злонамеренных, исключительно личных, предательских мотивов. Как правило, их действия обусловлены были по-своему понимаемой заботой о благе Церкви. Как хорошо известно, «правые» группировки состояли из тех епископов и их приверженцев среди священнослужителей и мирян, кто, не соглашаясь с церковно-политической линией назначенного святым митрополитом Петром Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита (потом Патриарха) Сергия, прекращал возношение имени Заместителя за богослужением и таким образом порывал каноническое общение с ним. После кончины митрополита Петра «непоминающие» не признали главой Церкви, Местоблюстителем Патриаршего Престола, митрополита Сергия, не признали законности избрания его Патриархом. Но когда Святейшим Патриархом избран был Алексей I, большинство из

оставшихся в живых «правых» оппозиционеров (почти все они погибли в 30-е гг.) воссоединились со Священноначалием Русской Церкви.

С учетом этих соображений сделан был вывод о возможности канонизации тех архиереев, клириков и мирян, кто пал жертвой репрессий, находясь в отделении от Заместителя Местоблюстителя, но не переставая признавать главой Церкви заточенного Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и не пытаясь образовать иной, параллельный церковный центр.

Резюмируя сказанное, можно указать на следующие критерии канонизации святых, которыми руководствуется Русская Православная Церковь в настоящее время: безукоризненное исповедание православной веры, подвижническое житие, народное почитание, а также прижизненные и посмертные чудеса, совершаемые по молитвам угоднику, и, наконец, в некоторых случаях - полное или частичное нетление святых мощей. При канонизации мучеников, важнейшее значение имеет сам факт пролития крови за Христа. В связи с этим особое значение предается выявлению всех обстоятельств, сопряженных с исповеданием им веры при совершении подвига.

Помимо канонизированных святых есть еще один особый вид почитаемых усопших - подвижники благочестия. Канонизации почти всегда предшествует почитание святого как подвижника без всякой на то официальной санкции. На могилах таких подвижников и праведников, еще при жизни прославившихся богоугодным житием и особыми благодатными дарами, поются частые панихиды, в дни их смерти совершаются заупокойные литургии, их имена вносятся в синодики для каждодневного поминовения на Литургии. Над гробами подвижников благочестия устраиваются памятники в виде арки или часовни, иногда с изображениями подвижников на надгробницах. Почитатели усопших составляют им службы и акафисты, хотя они и не имеют церковного употребления. В своих келейных молитвах почитатели, верующие в их святость, обращаются к ним как к угодникам, предстоящим пред Престолом Божиим. В большинстве случаев канонизации святого предшествует его народное почитание как подвижника благочестия.

¹ Темниковский Е. К вопросу о канонизации святых. Ярославль, 1903.

С. 4.

⁷ Гояубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Изд. 2-е, М, 1903. С.

13.

³ Там же. С. 16.

⁴ Темниковский Е. К вопросу о канонизации святых. С. 19-20.

⁵ См.: Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С.292-294.

⁶ Темниковский Е. К вопросу о канонизации святых. С. 56-57.

Игумен Дамаскин (Орловский), член Синодальной Комиссии по канонизации святых,
клирик города Москвы

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДВИГА НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ

Кого Церковь прославляет во святых своих? Есть ли разница между прославлением святого в Церкви и прославлением между людьми выдающегося человека за достижения в области культуры - в широком значении этого слова, включающего в себя всю созидательную деятельность человека? Огромная разница. Во святых Церковь прославляет Бога, Божественное действие Духа Святого, в человеке люди прославляют выдающиеся таланты, служащие зачастую не Богу, а людям, не духовной стороне, а материальной.

Дух Святой может жить в человеке, если человек предоставил Ему место - очищенные от страстей тело и душу, если душа человека с ее страстями, грехами и гордостью самоупразднится, и поэтому первая ступень к возможности прихода в душу человека Божией благодати - это самоумаление человека, исполнение первой заповеди блаженства о нищете духа. Без этого невозможно приблизиться к человеку Духу Святому в рамках задачи по спасению его души. Церковь, прославляя святых, - прославляет действия Божий в мире: веру, дающую возможность устоять перед любыми испытаниями, чистоту, недостижимую для падшего человека, рассуждение, непостижимое для тленного разума, но о котором можно сказать, что этот человек имеет ум Христов, как о том писал святой апостол Павел (1 Кор. 2:16).

Благодатная сила, действовавшая в апостолах Павле и Варнаве, поразила в свое время язычников, жителей города Листры, так, что они, будучи непросвещенными светом Христовым, хотели им поклониться, как богам, сошедшим с неба, принесли им венки и желая совершить в их честь жертвоприношения, - воздать им высшую славу, как понимали это язычники, как богам, пришедшим к ним в образе человеческого (Деян. 14:11). Но апостолы остановили безумное поклонение людей, сказав: «Что вы это делаете? И мы подобные вам человеки...» (Деян. 14:15).

Что почитает Церковь во святых своих? Их самоуничижение, самоумаление, славоненавидение, презрение ко всему земному - от славы человеческой до пристрастия к земным удобствам и богатствам.

Что прославляем мы, когда прославляем людей как героев человеческого духа, героев и подвижников культуры? Мы прославляем человеческие таланты, служащие славе человеческой. Мы прославляем великих художников, ученых и инженеров, писателей, философов, историков, политических деятелей и военачальников за их выдающиеся таланты, действующие в земной области, развивающие эту земную область бытия, но и погибающие вместе с ней.

Человек, развивая имеющиеся у него таланты, служит ими земным людям и целям и бывает прославляем от людей за успехи в их достижении. Таланты человека зачастую и развивают земную, тленную сферу бытия. Инженер - техническую, делая условия не духовной, а материальной жизни более комфортабельными, историк пишет о земной истории, а не о небесной, философ развивает психологическую сферу помышлений, которая, по слову Писания, вся погибнет вместе с человеком: изыдет дух и возвратится в землю свою, в тот день погибнут вся помышления его (Пс, 145:4).

Иногда, благодаря таланту, человек начинает исследовать область демонической реальности, ибо к небесам талант человека, не очищенного от страстей, подняться не может, но вполне может приблизиться к глубинам сатанинским, развивая страсти и упражняясь в них. Тогда появляются талантливые произведения низменного свойства, развращающие человека, через них уже как бы демонические силы и агелы бездны начинают действовать против людей, такие произведения прославляются демонами через вверившихся их темному водительству людей. Создавая талантливые произведения с выведенным в них талантливо злом, писатели призывают человека, образ и подобие Божие, подражать злу и тем губить свою душу. Ибо, что мы почитаем идеалом, чему сердечно сочувствуем - тому и подражаем. Если считаем идеалом одевшегося в привлекательные одежды, как бы ангела света, зло, то будем подражать злу. Если считаем идеалом для себя жизнь святых, то будем подражать им. Именно поэтому современное общество, далеко ушедшее от христианских представлений, не слишком стремится прославлять святых, так как идеал святого - является ли он прославленным Церковью преподобным или мучеником - это самоумаление святого человека, самоунижение и самоупражнение, с чем современный человек чаще всего и бывает несогласен, ибо любит и ценит больше всего свое «я». Любишь святого? Воздаешь ему славу? Самоупражнишься и смиришься сам. Хочешь быть героем человеческой

истории - развивай свои человеческие начала, ибо история Божия - а это в новое время после Пятидесятницы история Церкви в лице ее святых и история человеческая - это две разные истории, имеющие такие же различные законы и правила, как сфера духовная и душевная, и последняя хотя и имеет самостоятельную ценность, но проникнуть в сферу духовную не может. Также духовное не может обрести в душе человека место, если не потеснит душевное.

Справедливо славна бывает история великого полководца, одержавшего множество побед и послужившего земному Отечеству, и потому члены земного Отечества заслуженно прославляют его, ставят ему памятники и воспевают его подвиги и заслуги в произведениях искусства. Но чтобы быть прославленным Церковью, для этого нужно, прежде всего, иметь своей целью служение Отечеству Небесному, искать прежде всего Царства Божьего, чтобы все остальное, если то будет Богу угодно, явилось всего лишь приложением к этому главному. Недостаточно быть всего лишь добропорядочным, христиански настроенным человеком и просить, чтобы Господь помог одержать победу над врагом, чтобы это исполнилось, ибо в этом случае мы призываем Бога Небесного и Вечного служить земному и временному. Нужно, чтобы человек избрал это Небесное центром своей жизни. Из многих выдающихся военачальников только один был таким, кто выбрал главным в жизни путь в Царство Небесное и личное спасение, - это прославленный Церковью праведный Феодор (Ушаков), адмирал, искавший спасения, благочестия, вечности, шедший к ним путем исполнения заповедей Христовых. Все остальное в виде блистательных и чудесных побед явилось всего лишь приложением к этому главному. Столь ценна в глазах Божиих душа человеческая, что этой благочестивой душе Господь не только даровал победы, но также и благопоспешение всем его подчиненным, и как даровал ради апостола Павла жизнь всем его спутникам, так и ни один из подчиненных праведного Феодора не был пленен. Святой праведный Феодор Ушаков - это и образец, и исключение, кто стяжал победы на поприще воинском не своим талантом, а силой креста, распинающего плотские и душевные страсти.

Как из выдающихся деятелей очень мало прославленных святых, так и из убитых в XX веке - много пострадавших, но мало мучеников за Христа. Христианский образец на все времена остается один и тот же, и не внешние обстоятельства жизни важны, даже и такие как насильственная смерть во время гонений, а внутренняя жизнь христианина, его праведность в очевидном и ясном выражении заповедей Господних: «не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвиде-

тельствуй...» (Мф. 19:18), ибо «ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6:9-10).

Этот внутренний образ человека и исследуется при изучении материалов, касающихся как преподобных, так и мучеников, по мере того, что открывает Господь. В случае преподобных принцип изучения что раньше, что сейчас остается неизменным, но в случае мучеников древней Церкви и новомучеников XX века есть существенная разница: одно дело язычник, придя ко Христу и тут же исповедуя веру Христову, мученически умирает, а другое дело христианин XX столетия, от младенчества живший в лоне Церкви, имевший возможность пользоваться всеми благодатными ее Таинствами и прежде всего - покаяния и приобщения Тела и Крови Христовых, но пренебрегавший этими средствами, живший крайне нерадиво и в практических поступках своей жизни тем самым отказывающийся от Царства Небесного. Может ли таковой быть наследником жизни вечной лишь по одному факту его насильственной смерти, и не окажется ли положение такого пренебрегателя верой Христовой хуже, чем положение и не пришедшего ко Христу, ибо «кто знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его бит будет много, а который не знал и сделал достойное наказания, бит будет меньше» (Лк. 12:47-48)? Если прелюбодеи или лихоимцы, или хищники, или лжесвидетели, или пьяницы, или посягающие на чужое в силу формальной принадлежности их к церковному обществу будут убиты, будут ли они наследниками жизни вечной, а тем более образцами для христианина? Наоборот, не в самом ли факте их смерти не только не будут образцом, но соблазном, как бы при богоотступнической их жизни показывая безразличие и пренебрежение к заповедям Господним. Одно дело разбойник, познающий на кресте Христа, и другое христиан, по жизни и душе ставший «разбойником», но погибающий насильственной смертью.

Потому-то и важен для прославления святых новомучеников не только факт насильственной смерти, но и устройство их внутреннего мира. Для этого необходима полнота не только всех архивно-следственных дел, но и всех дел, например, связанных с закрытием храма: как вел себя тогда человек при закрытии храма и какую христианскую позицию занимал, и был ли тайным соучастником закрытия; был ли человек осведомителем, то есть тайным по внешности, но явным по греху предателем Церкви, и, в конце концов, был ли нарушителем заповедей Господних. Частью такие свидетельства находятся в самих делах, частью о них можно узнать косвенно (например.

архиепископ Ярославский Павел (Борисовский), будучи арестован в 1929 г. с группой духовенства, согласился быть осведомителем и был освобожден, что, однако, не помешало НКВД расстрелять его в 1938 г.); важно и то - принадлежал ли человек к Православной Церкви и не был ли обновленцем или григорианцем, о чем не всегда есть сведения в архивно-следственных делах. Для выявления этих фактов требуется долгое и кропотливое изучение всей жизни человека, чтобы не оставался неизученным ни один из ее периодов. Очень важны обстоятельства кончины мученика, потому что нередко бывало, что перед самой его кончиной, в концлагере, власти начинали новое дело, во время которого человек проявлял малодушие. Или, выдержав мужественно следствие и оказавшись в заключении, обнаруживал в такой степени малодушие и уныние, которые характеризуют уже не минутную слабость, а едва ли не отречение от Христа. (Как мужественно державшаяся в тюрьме во время следствия Татьяна Стогова, помощница епископа Игнатия (Садковского), впоследствии выразившая даже сожаление о своей связи с Церковью; псаломщик Владимир Беневоленский, написавший из заключения в прошении о помиловании, что служение его в храме псаломщиком было ошибкой, или староста Михаил Глухое, чьи письма из заключения пронизаны в такой степени унынием, которое уже показывает непонимание им, что такое страдание за Христа.)

Шарлатанство, мошенничество, попытки нажиться на простодушии людей, столь распространенные в мире, имели место и в религиозной среде тех лет, отнюдь не вынесенной за скобки мирского. Несмотря на гонения, всегда находилось достаточно людей, не брезговавших мошенничеством и выдававших себя за юродивых, за людей, творивших чудеса, или за царских детей. Естественно, что НКВД арестовывал их как православных, и не так уж бывает и видно из материалов дела, кто был человек на самом деле.

Одним из критериев рассмотрения материалов о новомучениках является безупречность поведения исповедника на следствии, то есть то, что он не оговорил ни себя, ни других. Себя - потому что в данном случае он оговаривает себя ни в каких-то моральных просчетах и недостатках, а как члена Православной Церкви в несуществующей антигосударственной деятельности; ни тем более других, так как, оговаривая других, он юридически обосновывает для следствия их обвинение. Знакомясь с архивно-следственными делами, мы однако зачастую не знаем - не оговаривает человек себя или других из нравственно-религиозных ли установок, имея страх Божий и опасаясь нарушить заповеди Господни, или из соображений практических, понимая, что

ан
И
Ов
;ви
гь
гов
то-
ны
гто
ло,
ду~
1в
не
ее-
>ва,
ив-
гар
ло-
ши
та-
что
то-
ре-
)го.
)ез~
[до-
БД
ма-
как
!сть
юн-
тах
цей
)го-
»ви-
юс-
лен-
ить
что

признание себя виновным автоматически может повлечь, несмотря на все заверения следователя, осуждение, а признание виновными других - дальнейшие расспросы и перенесение пунктов обвинения на самого дающего подробные показания. Одна из важнейших проблем при исследовании материалов о новомучениках та, что, бывает, обвиняемый в своем деле не признает себя виновным, но привлеченный свидетелем по делам других лиц проявляет малодушие и выступает лжесвидетелем; причем о наличии таковых показаний мы даже и не подозреваем, и не сможем найти ни по каким картотекам, ибо картотек имен свидетелей не существует. Именно поэтому для принятия взвешенного решения требуется просмотр и изучение всех вообще архивно-следственных дел, то есть всего архивно-следственного фонда той или иной области.

Важно выяснение того, что именно составляло нравственное и духовное содержание жизни человека, его религиозно-нравственная мотивация. Недостаточно принадлежать к социальной категории священнослужителей, чтобы насильственную смерть интерпретировать как смерть за Христа. Главным всегда был и остается внутренний настрой души человека, его жизненная позиция, то внутреннее сокровище, которому человек служит, в какую бы внешнюю форму он не облакался.

Бывший викарий Рязанской епархии, епископ Михайловский

Исидор (Колоколов) за противоправные в гражданском и нравственном отношении действия был в 1916 г. лишен викариатства и жил не запрещенным в священно служении в Трифоновом монастыре в Вятке, где и застали его революционные события, когда большевики пришли к власти. Он был ими арестован и 19 августа 1918 г. приговорен к расстрелу; он не признал себя виновным в контрреволюционной деятельности, то есть с формальной стороны себя не оговорил, и был расстрелян. Но при этом он до конца своей жизни, до самого ареста не изменил своего образа жизни, жизненные его приоритеты по-прежнему оставались за пределами заповедей Христовых, и насильственная, принятая от большевиков кончина никоим образом не может превратить его в образец христианской жизни и мученичества, ибо только хорошо служившие готовят себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса (1 Тим. 3:13). Для историка Церкви его биография выразится в перечне служебных назначений, перемещений, наград и прещений. Но в том случае, когда речь идет о прославлении убитого, неизбежно исследуется нравственная сторона его жизни, насколько она соответствует христианскому образцу и образу святых, какие нам известны.

В некоторых случаях буквально сбывается слово Христово, сказанное Им к преддверию Своего пришествия, но имеющее значение при всяком неожиданно нашедшем на людей бедствии, уносящем иногда жизни десятков тысяч людей, застающем одних готовыми к восприятию вечной жизни, а других нет. «Как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, пока не пришел потоп и не истребил всех, - так будет и пришествие Сына Человеческого; тогда будут двое на поле: один беретя, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна беретя, а другая оставляется» (Мф. 24:37-41).

В один и тот же день, 6 июля 1919 г., были расстреляны архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) и его викарий, запрещенный ко дню расстрела в священнослужении, епископ Леонтий (Вимпфен). Имея далекие от христианства жизненные установки, епископ Леонтий произвел множество беспорядочных действий в епархиях, где служил, а также и в Астраханской: им, в угоду безбожной светской власти, был сделан ряд публичных заявлений против правящего архиерея. Если бы только одна насильственная смерть могла освятить человека, поставить его образцом святого мученичества, то можно было бы только на основании факта насильственной смерти включить имя епископа Леонтия в Собор новомучеников и исповедников Российских, но от насильственной смерти в эту эпоху погибали и жившие праведно и проводившие беззаконную жизнь, и трудившиеся для Церкви и воевавшие с ней, и бывшие орудием ее расстройств и причиной смущения народа Божия. И потому один факт насильственной смерти не имеет для принятия решения определяющего значения, но важно, какую жизнь христианскую или антихристианскую - проводил человек. И здесь, повторяем, несостоятельна аналогия с древними христианами, приходившими в Церковь и часто принимавшими мученическую смерть под влиянием лицемерия подвига мучеников; они, будучи язычниками, уходили от язычества к Христу, в отличие от христиан начала XX века, которые, бывало, в течение всей земной жизни от Христа уходили.

До революции 1917 г. немало было случаев, когда люди, формально принадлежавшие к Православной Церкви, проводили жизнь как не принадлежавшие к ней; апостол Петр пишет о таковых: «Если, избегши скверн мира сего через познание Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, опять запутываются в них и побеждаются ими, то последнее бывает для таковых хуже первого. Лучше бы им не познать пути правды, нежели познавши возвратиться назад от преданной им святой заповеди» (2 Пет. 2:20-21).

В XIX - начале XX вв. приход многих в церковный клир в значительной степени был обусловлен социальным происхождением. Духовное образование в семинарии в конце XIX - начале XX столетия зачастую связывалось в сознании получающего его не с намерением служить Христу и Его Святой Церкви, а с приобретением социальных преимуществ. В духовную семинарию часто шли, по выражению святителя Димитрия Ростовского, не для Иисуса, а ради хлеба куса¹. Как бы ни было материально тяжело жить священнику и его семье в начале XX в., но все же значительно лучше, чем большей части крестьянства, т. е. основному населению страны, вынужденному добывать хлеб насущный тяжелым физическим трудом. Отсюда и нерелигиозный, а зачастую и антирелигиозный настрой учащихся духовных семинарий, бунты в семинариях в годы, предшествующие революции, массовый уход окончивших семинарии в светские учебные заведения, получение светских профессий и вообще уход из Церкви, так как семинария в данном случае для многих оказывалась-всего лишь ступенькой для устройства материального положения в жизни. Не все ищущие материального, однако, уходили из церковной организации, которая в любом случае давала некоторые преимущества, но почти все из таковых достаточно легко вступали с первых же лет и даже месяцев советской власти в негласное сотрудничество с ней, послужив основой для формирования обновленческих и григорианских организаций, едва ли не полностью захвативших иные епархии. Причем эти люди оставались при любой власти при одних и тех же приоритетах и ценностях - служение не Христу и Христовой Церкви, а устройство своего материального благополучия. Именно по этой причине невозможно бывает оценить человека как ревностного христианина лишь по причине его социальной принадлежности к духовному сословию. Поэтому и требуется скрупулезное изучение жизни мученика, который от младенчества все получил - но возможно и все растерял. Именно поэтому, еще до наступления эпохи революционного насилия, жизнь во многих приходах и монастырях в нравственном отношении была далеко не на высоте; и когда после революционного переворота в монастырях стали устраиваться бунты и настоятелей, как, например, Санаксарского, преподобноисповедника Александра, братия заключила под стражу, это было всего лишь внешним выражением внутреннего настроения братии.

Архивно-следственное дело показывает зачастую только эпизод жизни мученика, может быть, и важный, но слишком малый для определения его исповеднического подвига. В древней Церкви период ожесточенных гонений был всегда достаточно кратким, и хотя Церковь

и не признавалась языческим государством, но жила в периоды между гонениями более или менее мирно; в советское время гонения не прекращались ни на один год, лишь время от времени доходя до большей жестокости, и потому живший в XX в. исповедник испытывал давление государства во всей его мощи в течение всей жизни. И потому бывало, что устоявший во время гонений в двадцатые годы падал в тридцатые, а устоявший в те и другие проявлял малодушие в сороковые годы. Если жизнь обычного человека достаточно сложна и противоречива и один и тот же человек в зависимости от перемены внутренней позиции может совершать поступки прямо противоположные, то тем более сложна жизнь христианского исповедника, находящегося не только под давлением своих внутренних искушений, но и антихристианского государственного аппарата.

Насильственная смерть человека, принадлежавшего к духовному сословию и не согласившегося идти во время следствия на лжесвидетельства, далеко еще не достаточна для суждения о его исповедничестве. Священник Московской епархии, служивший в Якиманской церкви, бывшей тогда соборной в городе Можайске, протоиерей Кирилл Чмель был арестован в 1937 г. На допросах он не оговорил ни себя, ни других. Он был приговорен к расстрелу, и 27 декабря 1937 г. расстрелян на полигоне Бутово под Москвой. Если только оставаться в рамках этих сведений, то можно было бы включить его имя в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Однако, при более подробном изучении его биографии, ситуация окажется иной. Протоиерей Кирилл Чмель, 1879 г. р., с 1910 г. служил псаломщиком в Успенском храме города Серпухова. В 1916 г. рукоположен во диакона к этой же церкви. Но в 1922 г. вдруг неожиданно перешел в Полтавскую епархию, где назначен только что хиротонисанным во епископа Лубенского Преосвященным Григорием (Лисовским) диаконом в собор. В 1923 г. епископ Григорий был возведен в сан архиепископа и назначен в Полтаву. В том же году епископом Лубенским Феофилом (Бундовским) был учинен раскол. В 1925 г., уже после того как епископ Феофил был лишен сана и отлучен от Церкви (что произошло в 1924 г., и сам раскол стал называться Лубенским), диакон Кирилл был рукоположен им во священника, служил в его подчинении и в 1930 г. был награжден им наперсным крестом, и находился в расколе до самого перехода в Московскую епархию, что случилось в 1933 г. В послужном списке он, однако, отрицал принадлежность к Лубенскому расколу, называя себя принадлежащим к ориентации Собора православных епископов Украинской Церкви с 1925 по 1932 гг., и объяснял, что находился там по незави-

ау симым от него лично обстоятельствам. Но независимыми обстоятель-
ей етвами, которые воспринимались им как факт объективной и неоспо-
ш- римой действительности, могла быть только служба в органах НКВД,
«у перемещающего своего сотрудника с одного места на другое, но не
[в гарантирующего его в то время от расстрела.
со- В советское время одной из форм борьбы государства с Церковью
;и- была вербовка под нажимом НКВД осведомителей, должных не толь-
;н- ко собирать информацию о происходящем в Церкви и передавать ее в
то НКВД, но и проводить внутри Церкви разрушительные мероприятия
не по указанию того же НКВД. Это ставит весьма сложные проблемы
гн- перед исследователями, так как НКВД старался скрыть своих сотруд-
никув и не во всех случаях привлекал их в качестве свидетелей, чтобы
ому не обнаружить их. По одним только материалам допросов не всегда
иде- возможно судить об истинном положении человека - исповедник он
чес- или предатель.
цер- В октябре 1937 г. в городе Козельске вместе с группой монахов
шлл закрытой к тому времени Оптиной пустыни был арестован послуш-
ебя, ник Тихон Плетнев, живший в Оптиной с 1912 г. На следствии он
рас- рассказал лишь о том, что действительно знал оптинских монахов и
ся в кого именно; при этом он никого не оговорил, также не оговорил и
)бор себя; против него, как и против других, как это водилось тогда, дали
показания штатные свидетели, что было вполне достаточно для вы-
шения приговора. Всего по делу обвинялось 12 человек. 11 чело-
слу- век были приговорены к расстрелу и 5 декабря 1937 г. расстреляны,
16 г. Тихон Плетнев и после их расстрела продолжал сидеть в смоленской
ши- тюрьме без вынесения приговора, и только 4 января 1939 г. власти
хи- приняли постановление о его освобождении за отсутствием «матери-
>ием алов о привлечении его к судебной ответственности», а также учи-
был тывая «его болезненное состояние (паралич левой половины тела)»²,
году Если исходить из общих знаний об истории того времени, что после
кол. расстрела наркома НКВД Ежова на его место пришел Берия и начался
тлу- пересмотр некоторых дел, мы могли бы сделать вывод, что послуш-
|ать- нику Тихону повезло, он дождался времени некоторого восстано-
ика, вления справедливости и был освобожден. И лишь изучив тысячи дел,
ным можно сказать с уверенностью, что так не бывало никогда, и он был
кую всего лишь секретным сотрудником НКВД, который и поручил ему
, от- не только давать сведения о монахах еще до их ареста, но и быть с
дле- ними в камере, в некотором роде сопроводить их в последний путь, и
жой в то же время фактом своего ареста и безупречными показаниями на
ави- следствии отвести от себя всякие подозрения в предательстве. Однако
разница между исповедническим подвигом и систематическим преда-

тельством слишком велика, чтобы целиком опереться на скудные положительные данные следственных материалов, оставляя в неизвестности те или иные периоды жизни человека. Отсюда также следует, что необходимо изучение всего комплекса архивно-следственных дел тех областей, где человек арестовывался, и проведение сравнительного анализа на основании всех выявленных фактов на предмет возможного сотрудничества арестованного с НКВД в 1920-1940-х гг., эпохи по преимуществу и являющейся предметом исследования материалов о новомучениках.

Каковы причины, по которым люди подписывают протоколы следствия со лжесвидетельствами? Чаще всего это облеченное в различные оправдательные формулировки малодушие. Далее вслед за подписанным лжесвидетельством и приговором к расстрелу начинается период жизни, который полностью закрыт от церковного исследования, в отличие от того, как это было в древности, когда судебный процесс и казнь зачастую были публичными. В XX в. они стали (за немногими исключениями 1918 г.) закрытыми, а все происходящее во время них тщательно скрывается. В случае лжесвидетельства против себя или других, человек, приговоренный к расстрелу, переживает по преимуществу одно из двух состояний - величайшее, переворачивающее всю его душу покаяние или глубочайшее, переходящее в отчаяние уныние - во образ Петрова покаяния или Иудина уныния и зловерия. Целомудренное закрытие этого последнего момента в жизни новомучеников останавливает наше знание о них на протоколах допросов, на чем лежит последний отпечаток их личности - в каком бы состоянии внутреннем или положении внешнем эта личность ни находилась.

Во всех случаях, когда мы пишем или рассуждаем о человеке, мы оказываемся в рамках заповеди Христовой о любви к ближнему, стараясь не осудить, чтобы не погрешить. Когда пишется историческое исследование, то главным оказывается научная добросовестность исследователя, отсутствие искажений в угоду тем или иным конъюнктурным соображениям, и искажение исследования и является в данном случае нарушением заповеди Христовой по отношению к ближним, которыми станут просвещенные или введенные в заблуждение предлагаемым им исследованием читатели. Но, когда исследуются материалы о подвижниках, мучениках или исповедниках и их подвиг как образец христианского служения, то главным становится иена-несение вреда Церкви; и тут совершенно отмечается принцип необсуждения того или иного не вполне достойного поступка подвижника или исповедника, потому что тут речь идет уже не о нравственной безупречности или недостатках того или иного человека, а о непо-

врожденности церковного предания; здесь личность подвижника или мученика - христианский образец поведения, поэтому и рассматриваются не только факты страдания христианина, но и все эпизоды его жизни.

Церковный исследователь как христианин не осуждает, но как исследователь вынужден изучать все до конца, и как исследующий личность, которая должна быть образцом, исследует ее и со стороны отрицательной, рассматривая особенно пристально свойства души и поступки человека, отступающие от христианского идеала, чтобы неправым образом не нанести вреда народу Божию. Прославление во святых новомучеников не является посмертной наградой пострадавшим, как бывает посмертная награда воинам, ибо все умершие до нас, при каких бы обстоятельствах они ни скончались, ни в каких наградах не нуждаются, но это прославление тех, кто является для нас и грядущих поколений верующих людей образцами. Ибо сама по себе насильственная смерть еще ничего не значит, ибо кроме нее есть христианское содержание жизни человека, по выражению апостола Павла, если и тело отдам на сожжение, а любви не имею, то нет мне в этом никакой пользы и я ничто (1 Кор. 13:3).

Во все времена, вне зависимости от территориальной обширности Поместной Церкви и ее численности, Церковь всегда была малым стадом, и всегда не так уж много было людей, имеющих евангельскую соль, великих подвижников; мучеников было несколько больше, чем преподобных и праведных, так как в данном случае Сам Господь содействовал умножением скорбей подвигу человека, но все же много меньше, чем вообще пострадавших людей, как их определяла когда-то гражданская власть, «православного исповедания». Если бы не так, то Россия не оказалась бы во власти безбожия в начале XX столетия, и Церковь не подверглась бы столь ожесточенным гонениям, ибо будят остном лишь того, кто глубоко спит.

Одним из существенных моментов при изучении материалов о новомучениках, и в особенности об исповедниках, есть свидетельства живущих людей. Здесь можно с определенностью сказать, что достоверные показания свидетелей-очевидцев о событиях 1918-1938 гг. по причине их естественного возрастного предела завершаются 1988-1998 гг., за некоторыми единичными исключениями. Все свидетельства за пределами этой даты имеют малодостоверный характер, и на них по существу невозможно опираться. Возникают проблемы и в области свидетельства о жизни исповедника, когда основным источником становится свидетельство о самом себе, которое может оказаться весьма отличающимся от действительности.

тельности, подтверждаемой многочисленными и независимыми друг от друга документами, как в случае с иеросхимонахом Сэмпсоном (Сиверсом)³. Или когда о подвижнице свидетельствует человек посторонний, как в случае рассказа З.В.Ждановой о блаженной Матроне, когда она пишет, что блаженная Матрона «часто нам показывала в лицах, что происходит и что произойдет... "Сначала уберут Сталина, потом после него будут правители один хуже другого... И появится в то время Михаил, - ручки подняла кверху, приложила руку к сердцу и голове, - вот какой будет! Захочет он помочь, все изменить, перевернуть... Но если бы он только знал, что ничего изменить ему не удастся и что он за это поплатится, его убьют - он ни за что за это не взялся бы! Начнутся смуты... распри... пойдут одна партия на другую... будут ходить по домам, спрашивать: за кого? Будет резня"» и т. д.⁴ Комментаторы, отмечая расхождение литературного образа с реальной действительностью, пишут, что «это предсказание не относится к М.С.Горбачеву»⁵. Между тем «предсказание» является всего лишь, по собственному признанию, сделанному под давлением голоса совести, авторским вымыслом так называемого свидетеля, что приносит явный вред уже Церкви, вводя в заблуждение верующих, повреждая церковное предание и плодя мифологические схемы с попыткой опереться на авторитет святых.

Большая часть свидетелей, которая делится рассказами о давно минувших днях из жизни семьи, в которой был мученик или исповедник, рассказывают о том, что находится за пределами возраста и их сознательного восприятия давно ушедшей действительности. Имея определенную цель и представление, каким должен быть образ добросовестного пастыря или исповедника, они составляют мифический образ святого, который имеется в их или в общественном сознании, невольно являясь в данном вопросе недобросовестными свидетелями. Одна из проблем исследования жизни исповедников и новомучеников та, что свидетелями часто выступают потомки, которые не жили во дни своих дедов и отцов, а если детство их и проходило тогда, то их сознание в то время оставалось за пределами внутренней и внешней жизни исповедника. Могут- ли они быть совершенно достоверными свидетелями, почти ничего не зная о внутренней и внешней жизни своих отцов и дедов? Конечно, нет. Когда-то свидетельства об имеющих важное значение событиях принимались под присягой - имеющей, разумеется, значение только для верующего человека, - но и тогда человек мог взять на душу грех лжесвидетельства, тем более это может происходить сейчас, когда человек руководствуется своими легко меняющимися настроениями.

Необходимость в каждом случае полного исследования о новомученике, с учетом психологических особенностей человека XX столетия, его нравственной, духовной изломанности, неоднократно проявлявшейся в его формальной принадлежности к Церкви и при этом ведущего жизнь, не имеющую ничего общего с христианской, и даже, подобно обновленцам, воюющего против Церкви, делает перво-степенно-важным полное изучение всех историко-архивных материалов, которое может быть достигнуто лишь при открытии всех фондов секретных служб ЧК - ОГПУ - НКВД за 1918-1940 гг. Насущным изучение подобного рода дел в настоящее время является еще и потому, что если в 1990-е гг. в архивно-следственных делах еще встречались часть документов о деятельности секретных сотрудников, то в 2000-е гг. такие документы стали изыматься до попадания архивных материалов в руки исследователей, и таким образом ценность архивно-следственных дел, с точки зрения полноты исследования мученического и исповеднического подвига на предмет включения имен в Собор новомучеников и исповедников Российских, сводится ныне почти к нулю, так как остающийся нераскрытым вопрос о сотрудничестве с безбожными властями, а также и о выступлении лжесвидетелями по делам других лиц оставляет неизученными существеннейшие стороны внутренней жизни предполагаемого исповедника.

¹ Сочинение святого Димитрия, митрополита Ростовского. Т. 2. 4-е изд. М., 1827. С. 193.

² УФСБ России по Калужской обл. Д. П-12918. Л. 191.

³ Журнал «Отечественные архивы». 2005. №4. С. 100-114.

⁴ О жизни и чудесах блаженной Матроны. М., 1988. С. 52-53.

⁵ Там же. С. 52.

Протоиерей Георгий Митрофанов, *профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии,*
член Синодальной Комиссии по канонизации святых, клирик Санкт-Петербургской
епархии

ИСТОРИЯ КАНОНИЗАЦИИ ЦАРСТВЕННЫХ СТРАСТОТЕРПЦЕВ

Канонизация Царственных страстотерпцев занимает особое место в ряду многочисленных канонизаций российских мучеников и исповедников XX в., которые имели место за последние двадцать лет. В этот период, когда у Русской Православной Церкви наконец появилась возможность начать прославление сонма новомучеников, образованная И апреля 1989 г. Синодальная Комиссия по канонизации святых должна была не только восстановить в церковной жизни почти полностью прерванную традицию прославления святых, но и разрешить целый комплекс научных и исторических проблем, связанных с процессом канонизации. Одной из важнейших среди этих проблем являлась проблема почти полного отсутствия в сознании значительного большинства современных русских православных христиан достоверных исторических сведений о жизни и подвигах российских новомучеников XX века. В то же время на протяжении всего советского периода личности последнего российского Государя и членов его семьи в широко тиражировавшейся академической и пропагандистской литературе являлись предметом самых недобросовестных, порой просто кощунственных «исторических» инсинуаций. Именно эта литература во многом определяла представление о семье последнего Государя в сознании наших соотечественников, как чуждых церковной жизни, так и воцерковленных. Подчас некоторые принимали с доверием созданный советской пропагандой демонтированный образ «Николая Кровавого», а иные были склонны противопоставлять ему диаметрально противоположный в своей идеализации «советскому», но порой столь же далекий от исторической реальности мифологизированный образ «ритуально умученного жидами-сатанистами Царя-Искупителя». Таким образом, в отличие от канонизации подавляющего большинства новомучеников и исповедников, когда Синодальной Комиссии по канонизации святых приходилось лишь доносить до церковных людей и всего российского общества неведомую им еще

недавно правду об убиенных подвижниках Русской Православной Церкви XX века, при канонизации Царственных страстотерпцев Комиссия должна была наряду с донесением исторической правды о них попытаться помочь как воцерковленным, так и далеким от Церкви нашим соотечественникам преодолеть десятилетиями складывавшиеся у них «черные» и «белые» пропагандистско-идеологические мифологемы и стереотипы о последнем российском Государе и членах его семьи. А ведь именно убежденное в собственной правоте полу-или псевдознание является гораздо более трудным препятствием для любой просветительской деятельности, нежели простое, непредубежденное незнание.

Еще одним существенным обстоятельством, которое требовало нарочито деликатного отношения Комиссии к изучению вопроса о канонизации Царственных страстотерпцев, являлась канонизация Царской семьи, происшедшая в 1981 г. в Русской Зарубежной Церкви. При проведении этой канонизации в русском церковном Зарубежье возникла достаточно серьезная полемика, а некоторые особенности проведения этой канонизации, в частности, прославление Царской семьи вместе с убиенными придворными и слугами, в том числе с лютеранкой Е.А.Шнейдер и римо-католиком А.Е.Трупом, именно как мучеников, не могли считаться тогда историко-канонически обоснованными.

Отправной точкой работы Синодальной Комиссии по канонизации святых по подготовке канонизации Царственных страстотерпцев стало определение Архиерейского Собора 31 марта - 4 апреля 1992 г., поручившее Комиссии «при изучении подвигов новомучеников Российских начать исследование материалов, связанных с мученической кончиной Царской семьи». Первоначальным этапом работы Комиссии над изучением вопроса о возможности канонизации Царственных страстотерпцев следует считать период, который продолжался до конца 1994 г., когда на Архиерейском Соборе 29 сентября - 2 декабря 1994 г. председатель Комиссии Высокопреосвященный митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий представил членам Собора в своем докладе основные принципы и критерии работы Комиссии по данному вопросу. После одобрения Архиерейским Собором сформулированных Комиссией методов ее исследования вопроса о возможности канонизации Царственных страстотерпцев, она продолжила свою работу, которой суждено было завершиться на заседании Синодальной Комиссии по канонизации святых 25 сентября 1996 г., где были сформулированы окончательные выводы Комиссии по данному вопросу.

Уже на первоначальном этапе работы Комиссии из всего многообразия церковно-исторических и политических проблем, сопровождавших царствование последнего российского Государя и активно обсуждавшихся в это время в церковной и светской печати именно в контексте возможности его канонизации, были выделены принципиально значимые для канонизации и наиболее дискуссионные проблемы. По каждой из этих проблем тот или иной член Комиссии должен был представить соответствующий доклад, который после обсуждения его на заседании Комиссии принимался ею в качестве официального заключения Комиссии по данной проблеме.

Исходя из того обстоятельства, что трагической гибели Царской семьи предшествовал почти двадцатитрехлетний период государственного правления Императора Николая II, который рассматривался многими участниками дискуссии о канонизации Царственных страстотерпцев либо как главное основание этой канонизации, либо как главное препятствие ее проведению, члены Комиссии подготовили и обсудили пять докладов, посвященных различным проблемам периода царствования последнего российского Государя.

В докладе «О церковной политике Императора Николая II» не только была представлена развернутая характеристика его деятельности в качестве «Верховного защитника и хранителя догматов господствующей веры» (как определяла положение Государя в Церкви 42 статья «Основных законов Российской Империи»), но и содержалась оценка личной религиозности Государя и членов его семьи. В докладе подчеркивалось, что, несмотря на то, что церковная политика Императора Николая II так и не вышла за рамки, предписывавшиеся синодальной системой управления Церковью, именно в это время были созданы конкретные предпосылки для творческого развития самых разнообразных аспектов церковной жизни и восстановления в Церкви каноничного высшего церковного управления. Именно в царствование Императора Николая II дотоле два века безмолствовавшая по вопросам о созыве Собора и восстановления Патриаршества церковная иерархия получила возможность не только широко обсуждать, но и практически подготовить созыв Поместного Собора и восстановление Патриаршества. За годы правления последнего Государя в Русской Православной Церкви канонизаций святых было проведено больше, чем за весь предшествовавший двухвековой синодальный период. При этом сами члены Царской семьи в отличие от многих своих современников стремились осуществлять свою религиозную жизнь в соответствии с традициями православного благочестия.

Доклад «Православный взгляд на государственную деятельность Императора Николая II» представил исторически объективную картину царствования последнего российского Государя, являвшегося одним из самых противоречивых периодов русской истории. При этом, осмысливая государственную деятельность Императора Николая II именно с христианской точки зрения, доклад стремился оценивать не ту или другую форму государственного устройства, но меру воплощения конкретным историческим лицом в его деятельности столь же конкретных церковных идеалов. В докладе подчеркивалось, что как политик и государственный деятель Государь стремился в своей деятельности следовать присущим ему как сыну Православной Церкви религиозно-нравственным принципам.

Имея в виду то обстоятельство, что в советский период события 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге представлялись в качестве одного из главных «преступлений» лично Императора Николая II, в Комиссии был подготовлен специальный доклад, посвященный именно этим событиям. Представив подробную и всестороннюю характеристику событий, предшествовавших «Кровавому воскресенью» и составлявших его основное содержание, доклад делал выводы хорошо известные даже советским историкам, впрочем, часто вынужденным эти выводы скрывать от своих читателей. В течение всего 9 января 1905 г. Государь, находившийся в Царском Селе, а не в Санкт-Петербурге, не принял ни одного решения, которые бы определяли действия властей в столице по подавлению массовых противоправительственных выступлений рабочих, а отнюдь не их мирной демонстрации. При этом непосредственный приказ войскам об открытии огня был отдан командующим Петербургским военным округом великим князем Владимиром Александровичем. Несмотря на глубокое переживание самим Государем своей ответственности за действия властей в Санкт-Петербурге в январские дни 1905 г., исторические данные не позволяют обнаружить в его действиях злой воли, обращенной против народа и воплощенной в конкретных греховных решениях и поступках.

Справедливо считающемуся даже в некоторых монархически настроенных кругах самым спорным решением Государя - отречению от престола, был посвящен доклад «Причины отречения Императора Николая II от престола и православное отношение к этому акту». Воссоздавая общую картину событий, обусловивших отречение Государя, доклад представил четкий перечень внешних факторов, обусловивших это действительно роковое для России решение: резкое обострение социально-политической ситуации в Петрограде в феврале 1917 г., неспособность правительства контролировать положение

в столице, распространившееся в широких слоях общества убеждение в необходимости дальнейших ограничений монархической власти, настоятельное требование Председателя Государственной Думы М.В.Родзянко отречения Императора Николая II от власти во имя предотвращения внутриполитического хаоса в условиях ведения Россией широкомасштабной войны, почти единодушная поддержка отречения высшими представителями российского генералитета. Однако, анализируя духовные мотивы, которые подвигли Государя на этот шаг, в частности, убеждение в том, что его уход сможет бескровно умиротворить страну, в докладе сделан вывод о высоких нравственных побуждениях, которые руководили Императором. При этом в докладе подчеркивалось, что отречение от престола не может рассматриваться как церковно-каноническое преступление, подобное отказу представителя церковной иерархии от священного сана, ибо канонический статус миропомазанного на Царство православного государя не был определен в церковных канонах.

Последней проблемой царствования Императора Николая II, которой был посвящен специальный доклад, стала проблема взаимоотношений членов Царской семьи и Г.Е.Распутина. С самого начала эта проблема рассматривалась с той точки зрения, что отношения с Г.Е.Распутиным следует рассматривать именно как одно из возможных препятствий для проведения канонизации Царственных страсотерпцев, а отнюдь не как одно из оснований для их канонизации. Дав объективную, лишенную стремления демонизировать или, наоборот, идеализировать личность Г.Е.Распутина картину его участия в жизни Царской семьи, доклад завершился следующими выводами. Отношения Императора с Г.Е.Распутиным на протяжении почти всего десятилетнего периода их знакомства были сложными и противоречивыми, когда расположение к нему сочеталось с осторожностью и сомнениями. Однако в целом во взаимоотношениях членов Царской семьи с Г.Е.Распутиным присутствовал элемент человеческой немощи, связанный у Императрицы с глубоким переживанием неизлечимости смертельно опасной болезни сына.

Общим итогом всех пяти докладов, посвященных изучению государственной и церковной деятельности последнего российского Государя, стал вывод Синодальной Комиссии по канонизации святых о том, что сами по себе эти аспекты деятельности Императора Николая II не дают достаточных оснований как для его канонизации, так и для канонизации членов его семьи.

Однако докладами, определившими окончательную позицию Комиссии по вопросу о прославлении Царственных страсотерпцев

как положительную, стали доклады «Последние дни Царской семьи» и «Отношение Церкви к страстотерпчеству».

В первом, явившемся самым пространным из всех составлявшихся в Комиссии докладов по вопросу о канонизации Царственных страстотерпцев, содержалось подробное и всестороннее описание последнего, почти полуторагодового периода жизни царской семьи в заточении в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге. Анализируя письма и дневниковые записи членов Царской семьи, свидетельства широкого круга очевидцев заточения Царственных страстотерпцев, порой весьма различно относившихся к узникам, доклад представил картину подлинного преображения членов Царской семьи из просто благочестивых мирян в замечательных подвижников благочестия, готовых безвинно принять смерть с подлинно христианским смирением и всепрощением. «Большинство свидетелей говорит об узниках тобольского губернаторского и Ипатьевского екатеринбургского домов, - подчеркивалось в докладе, - как о людях страдающих, но покорных воле Божией. Несмотря на все издевательства и оскорбления, перенесенные ими в заточении, они вели благочестивую жизнь, искренне стремились воплотить в ней заповеди Евангелия. За многими страданиями последних дней Царской Семьи мы видим всепобеждающий зло свет Христовой истины». Основной вывод доклада заключался в том, что последний период жизни членов Царской семьи, проведенный в заточении, и обстоятельства их гибели содержат серьезные основания для положительного решения вопроса об их канонизации в лике Царственных страстотерпцев, хотя и не позволяют безусловно говорить о них как о христианских мучениках, убиенных именно за веру и соответственно имевших возможность своим отречением от христианской веры спасти свои жизни.

Изучив доклад «Отношение Церкви к страстотерпчеству», в котором анализировались богословские и историко-канонические аспекты почитания страстотерпцев, присутствующего именно в традиции русской церковной святости со времен первых по времени канонизованных русских святых, свв. благоверных страстотерпцев князей Бориса и Глеба, Синодальная Комиссия по канонизации святых пришла к выводу, что есть все богословские и канонические основания прославить членов Царской семьи в лике святых страстотерпцев. При этом было подчеркнуто, что в богослужебной и агиографической традиции именно Русской Православной Церкви слово «страстотерпец» стало впервые употребляться применительно к тем русским святым, которые, подражая Христу, с терпением переносили физические, нравственные страдания или смерть от рук политических противников.

Следует подчеркнуть, что в процессе продолжавшейся почти пять лет работы Синодальной Комиссии по канонизации святых над вопросом о канонизации Царственных страстотерпцев в Комиссию поступали обращения архиереев Русской Православной Церкви, в которых от лица клириков и мирян выражалась поддержка мысли о прославлении Царской семьи. В некоторых епархиях вопрос о канонизации обсуждался на епархиальных, благочиннических и приходских собраниях, в Комиссию поступали также обращения отдельных клириков и мирян, а также групп православных христиан из различных епархий с поддержкой идеи канонизации Царственных страстотерпцев. Среди авторов таких обращений были и представители Русского Зарубежья, клирики и миряне братских Православных Церквей. Особую ценность представляли публикации и обращения в Комиссию, содержавшие свидетельства о чудесах и благодатной помощи по молитвам к Царственным страстотерпцам.

На заседании Синодальной Комиссии по канонизации святых 25 сентября 1996 г., где происходило заключительное обсуждение вопроса о возможности канонизации членов Царской семьи, были утверждены проект деяния Собора Русской Православной Церкви о канонизации Царственных страстотерпцев и проект их жития, составленный на основе вышеупомянутых докладов. 10 октября 1996 г. председателем Синодальной Комиссии по канонизации святых Высокопреосвященным митрополитом Крутицким и Коломенским Ювсналием проект деяния Собора Русской Православной Церкви о канонизации Царственных страстотерпцев и проект их жития были представлены на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви. Одобрив результаты работы Синодальной Комиссии по канонизации святых по изучению вопроса о возможности канонизации Царственных страстотерпцев, Священный Синод передал материалы Комиссии для принятия окончательного решения на рассмотрение Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. На Архиерейском Соборе 13-16 августа 2000 г. Царская семья была прославлена в лике страстотерпцев в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

Игумен Митрофан (Баданин), *председатель Епархиальной комиссии по канонизации святых, клирик Мурманской епархии*

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО АГИОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЙ СВЯТЫХ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

В конце XX в. в истории российского Крайнего Севера произошло событие чрезвычайной важности - в декабре 1996 г. была образована Мурманская епархия. Впервые на территории Кольского полуострова появился самостоятельный правящий архиерей, инициировавший и благословивший работу по научным исследованиям древней истории края.

Основным направлением в работе Комиссии по канонизации святых, созданной в 2000 г., стало установление имен подвижников веры и благочестия, подвизавшихся на нынешней канонической территории епархии, а также изучение возможности их церковного прославления.

В первую очередь это касалось блаженного Феодорита Кольского, просветителя лопарей. По тем же святым Крайнего Севера, которые уже были прославлены общецерковно, проводилась работа по установлению степени соответствия имеющегося жития подвижника историческим свидетельствам современников, летописным записям и сказаниям. Среди таких святых первоочередное внимание комиссии было обращено на жития преподобных Трифона Печенгского и Варлаама Керетского.

Интерес к житию преподобного Трифона был обусловлен как степенью проясленности самого подвижника, так и широкой известностью созданного им Печенгского монастыря - самой северной обители в России. В то же время среди исследователей конца XIX -начала XX вв. высказывались определенные сомнения в правдивости современной редакции Жития" этого прославленного святого XVI в., отмечалось искажение самой сути его духовного подвига, замалчивание серьезных проблем и трагических ситуаций в жизни преподобного Трифона и созданной им Печенгской обители.

Относительно Варлаама Керетского комиссию заинтересовало странное несоответствие высокой степени почитания этого подвижника, издревле укоренившееся среди поморского люда северных морей, и чрезвычайной краткости и невразумительности его Жития².

Что же касается первопроходца христианского освоения Крайнего Севера, отца-основателя всей просветительской миссии среди народов Великой Лапландии преподобного Феодорита Кольского, то он за прошедшие четыре с лишним столетия так и не был прославлен и в Святцах не упоминался вовсе. Причина такого забвения славных деяний великого подвижника нам сегодня очевидна. Феодорит, как и все «заволжские старцы», последователи школы Нила Сорского и Паисия Ярославова, были осуждены на Соборах 1553-1554 гг. Потому, несмотря на очевидную высоту духовной жизни старца и его прямые заслуги в деле становления Российской государственности, титла святости он так и не сподобился, хотя к концу XIX в. уже упоминался как «блаженный».

Анализ причин серьезных искажений в изложении обстоятельств жизни святых Кольского Севера показал, что они подчас лежат в сфере идеологических противостояний, и за ними скрываются серьезные проблемы, имевшие место как в целом в церковной истории, так и в истории православия на Кольском Севере в XVI-XVII вв. Кроме того, ряд формальных, «искусственных» мест, присутствующих в изложении Жития преподобного Трифона Печенгского и ряда иных святых, могут служить иллюстрацией к известной особенности средневековых житий, приведшей к сознательной отстраненности текста от фактического жизненного материала.

Именно по этой причине описание жизни Трифона Печенгского, *«писанное самовидцами»* и сохранившееся в *«литых книжицах и писаниях кратких»*, а также недавно открытые Каноны северным святым³ оказались не вполне соответствующими тому постепенно узаконенному житийному типу подвижника, согласно которому «преподобный, основатель обители» должен быть *«от юности изряден постник, кроток, милостив»*⁴, с детских лет пребывая либо в церкви, либо в лесу, в пустыне в непрестанной молитве. Таким образом, лихая юность Трифона, этого неукротимого атамана, державшего в страхе всю Каянь и Восточную Ботнию⁵, решительно упраздняясь; о том, что он «много крови пролил и много народу ограбил»⁶, более не вспоминалось. Образ Евангельского разбойника, вошедшего первым в Рай, для таких агиографов очевидно утратил силу назидательного примера и доброго урока истинного покаяния.

В результате агиографическое величие духовного подвига Печенгского подвижника свелось к воспеванию масштабности «самого крупного религиозного торгово-промышленного центра» на Крайнем Севере, а индивидуальные черты его, прямо скажем, «непростого характера» и личный подвиг преображения «приведены в соответствие» с требованиями, предъявляемыми к «идеальному святому», путем написания нового, «типического» начала к его Житию.

Действительно, многие великие русские святые именно так, «от молодых ногтей», начинали свое восхождение на вершины православной святости. Идеальным примером такого Промысла Божьего о спасении человека является жизненный путь друга и учителя преподобного Трифона - преподобного Феодорита Кольского⁷. Но, опять же, «Феодорит-пустынный»³, этот выдающийся подвижник, миссионер и богослов XVI в., при всей идеальности своего жизненного пути и очевидности заслуг в деле формирования Российской государственности, так и не сподобился прославления. Слишком уж высоким, подозрительно высоким, было это мистическое и созерцательное богословие русского «исихазма». Равно как и напряженная высота жизни этих монахов-нестяжателей по Евангельскому «единому на потребу», с обличающей строгостью их моральных и нравственных устоев⁹. Они очевидным образом стали мешать «симфонии» Церковной и государственной власти. Их время в России прошло, новый этап формирования Российской государственности породил и иной, «новый образ монашества».

Что же касается древнего Жития современника и сомолитвенника преподобных Трифона и Феодорита преподобного Варлаама Керетского, так оно, видимо, показалось столь вопиюще «несоответствующим» и «соблазнительным», что «пригласить» его просто не представлялось возможным. Вся суть подвига Варлаама как раз и состояла в небывалой силе покаяния о содеянном страшном грехе убийства. Так что какая уж тут святость? Если он убийца, то на него есть закон, и место преступнику в остроге. Так что повсеместное почитание Преподобного, чудеса его и явления - это, конечно, хорошо, но закон и порядок превыше всего.

Невольно вспоминается потрясающий евангельский эпизод, со столь убийственной иронией переданный апостолом Лукой, когда Спаситель совершил чудо исцеления женщины, восемнадцать лет пребывавшей в скрюченном состоянии. *«При этом начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать [чудеса]; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний» (Лк, 13:14).*

Так что вскоре подлинное Житие преподобного Варлаама Керетского, нового чудотворца, которое использовал в 1557 г. книжник Сергей Шелонин, создавая «Канон преподобному Варлааму...», исчезло, к сожалению, навсегда.

Преподобный Варлаам Керетский так и не был официально канонизирован. И то очевидное местное почитание, и прославление его памяти, одновременно и равночестно с Трифоном, что имелось на Севере к середине XVII в., в последующее время в официальной Русской Церкви постепенно «свелось на нет». То же обстоятельство, что все дальнейшие, поздние редакции жития святого Варлаама своими авторами имели известных лжеучителей раскола, а само село Кереть стойко стояло в «старой вере», все это не могло не добавить еще более настороженного отношения священноначалия и к самому Варлааму Керетскому, и к суш совершенного им подвига.

Только лишь в 1903 г., явно по промыслу Божьему, святой Варлаам «оказался» просто вписан в так называемый «Верный месяцеслов» и с тех пор имеет в календарях свой день памяти. Текст же Жития Варлаама так до последнего времени и оставался на уровне «вкратце изложенного» на одном листочке¹⁰.

Надо сказать, что малая историческая достоверность житийного наследия уже к началу XX в. стала восприниматься православными богословами как серьезная проблема. По мере становления Российской церковно-исторической науки явным образом обозначился конфликт между агиографическими произведениями, этой важнейшей составляющей Церковного Предания, и научно-исторической достоверностью изложенных в них фактов. Серьезная озабоченность Церкви сложившейся ситуацией нарастания достаточно обоснованного недоверия к агиографическому наследию древности вылилась в соответствующее определение Поместного Собора 1917-1918 гг., в котором предписывалось следующее; «с благословения епархиального архиерея составляется или просматривается ранее составленное житие и определяется соответствие жития свидетельствам и записям современников святого и летописным записям и сказаниям»¹¹.

Но известные трагические обстоятельства, наступившие в Российской истории, не позволили церковным историкам приступить к этой важнейшей работе. Думается, что актуальность этой работы на сегодня еще более очевидна.

Говоря об истории вопроса, следует указать, что первые тревожные симптомы наступающей формализации житийных текстов обозначились в русской агиографической литературе на рубеже XIУ-XУ вв. По сути все началось с появления удивительно высокого стиля в рус-

ской литературе, предложенного монахом Троице-Сергиева монастыря Епифанием (+1420), прозванным современниками Премудрым. Написанные им Жития преподобных Сергия Радонежского и Стефана Пермского являются выдающимися произведениями агиографической литературы. «Цветистая торжественность, высокопарность и риторичность, то, что сам Епифаний определяет как «плетение словес»¹², несомненно должны были производить сильное впечатление на современников и оказывать большое влияние на всех последующих авторов, бравшихся писать жития русских святых. В то же время такое «плетение словес» пока еще не исключало главного достоинства житийного повествования раскрытия индивидуального облика святого и правдивых обстоятельств совершенного им жизненного подвига. Но в то же время в манере письма Епифания уже обозначились те черты формализма, которые впоследствии стали подчас беззастенчиво превалировать в русской житийной литературе, заслоняя собой историческую достоверность. «К фактической стороне своего повествования Епифаний относится как бы с намеренной небрежностью, а что касается до последовательности рассказа, то не только не заботится о ней, но как будто нарочно хочет спутать ее»\

Однако время пренебрежения фактической стороной жизни святого наступило с появлением в Московии в 1440 г. «известного агио-графа с горы Афон», Пахомия Серб (Логофета). Работая над переписыванием книг в Троице-Сергиевой Лавре, он вскоре приобрел славу выдающегося стилиста и мастера написания житий. В короткое время им были составлены многочисленные жития святых, о жизни которых он практически ничего не знал. В своих сочинениях Пахомий весьма «свободно относился к историческим фактам и, ради поучительности рассказа, не стеснялся собственных прибавлений»¹⁴. В то же время очевидный литературный талант, «прелесть» стиля и риторическая благоукрашенность Пахомисвых житий надолго очаровали российскую житийную литературу. Да и сам Пахомий, по отзывам современников, был монахом весьма достойным, «мужем благочестивым, проходящим иноческое житие со всяким опасением добрым. ...И явился он в нашей земле многих житий святых писателем, украсившим славословием памяти их действием Святого Духа по чину добре»¹⁵. Именно Пахомием были заложены на русской почве основы некоего «канона», представляющего собой набор готовых клише, пригодных для написания жития практически любому святому, все исторические сведения о котором могли составлять лишь его имя и тип подвижнической жизни¹⁶.

«Вообще у наших писателей житий, - как справедливо замечает академик Е.Годубинский, - поставлялось главное достоинство их творений не в подробной и обстоятельной передаче сведений о святых, а в риторической благоукрашенности речи, так или иначе достигаемом многословии и затейном красноречии»¹⁷.

Надо хорошо понимать, что Житие подвижника - это далеко не биография. Исторически верное, но не переосмысленное автором пустое перечисление событий жизни никак не может называться «Житие» и претендовать на то высокое предназначение, которое имеет «Житие Святого». Все жизненные коллизии, сомнения и искушения, выпадавшие на долю смертного, непременно должны быть представлены в «Житии Святого», но только в глубоко переосмысленном, Евангельском виде.

Постараемся все же глубже вникнуть в существо вопроса и попытаемся объяснить, почему для средневекового христианского книжника явление «типических житий» было естественным и закономерным. Надо прямо сказать, что тогда иным было понимание самой сути Жития и его предназначения. Признанный Церковью святым подвижник должен был в полной мере явить своим современникам состоявшееся в нем «обожение человека». Благодать Святого Духа, которую стяжал в течение своей жизни подвижник, и его уподобление Христу Фаворским Светом преображало всю жизнь святого. Тем самым все недостойное, греховное, соблазнительное, что могло быть в его прошлом, - отныне навсегда упразднилось. Именно потому на житийных клеймах иконы святой подвижник всегда изображен с нимбом с самого младенчества,

В этой связи можно упомянуть и о таком признаке Православной иконы, как «обратная перспектива изображения». Такое очевидное нарушение законов оптического восприятия мира в иконописи может помочь нам и в понимании рассматриваемого нами явления в агиографии. Можно сказать, что здесь настоящее, прославленное состояние святого и его блаженство «будущего века» проецируется на его прошлое, изменяя и преображая «мирской» аспект его земной, человеческой жизни.

Такой подход в восприятии жизни подвижника, прославленного в лике святых, трепетное и «со страхом Божиим» отношение к написанию житийного его образа и явилось первопричиной появления так называемых «типических житий». Средневековый составитель жития, приступая к своей агиографической работе, вовсе и не предполагал заниматься изучением документов и сбором историко-биографических сведений о том или ином подвижнике. И более того, подобное

возвращение образа святого подвижника из «небесного» измерения в «земное» считалось просто недопустимым и неблагопристойным. Собирать и записывать позволялось лишь свидетельства чудотворений. Текст Жития должен был полностью соответствовать известному идеалу и состояться из текстовых фрагментов или так называемых «топосов», отобранных в иных, признанных образцовыми Житиях аналогичных подвижников¹⁸.

Таким стал общепринятый подход к раскрытию образа Святого на Руси к ХУ-ХУП вв.¹⁹, и редко кто чувствовал в себе силы и призвание от Господа, подобно Сергию (Шелонину), отважиться внести сюда собственное осмысление и позволить индивидуальные черты в раскрытии подвига Святого. И вовсе нельзя отказать в мудрости богословских и философских оснований, лежащих в глубине этой идеи, равно как и в праве средневекового христианина на именно такой, «внеисторический», идеально возвышенный подход к агиографии. В то же время необходимо признать и то, что это искусство «топосов» и «поэтика уподоблений» со временем увели русскую агиографическую литературу в область подчас абстрактных духовных переживаний, антиисторичности, а при отсутствии необходимого материала и условий к просто к формальному, механическому копированию.

Еще раз оценивая эту идею неукоснительно строгого следования автора возвышенным образцам, отобранным им из текстов иных житий, мы вновь прослеживаем аналогию с иконописью, со взглядом на Житие как на словесную икону. И в этом смысле наличие предписанных словесных «прорисей» и узаконенный образец «подобия», конечно же, значительно упрощают задачу агиографа²⁰. При этом, однако, необходимо подчеркнуть, что задачи, стоящие перед иконописцем и агиографом, имеют существенное различие. Икона как объект молитвенного предстояния человека должна, по возможности, быть лишена явно выраженных индивидуальных человеческих черт, телесная составляющая образа сведена к минимуму. Православная икона всячески преодолевает «живоподобие», дабы молящийся не отвлекался рассматриванием иконы, как живописного портрета, и ничто не мешало его сосредоточенности в молитве.

В то же время житие святого является не объектом молитвенного предстояния, а объектом благочестивых размышлений о человеческих судьбах и о неисповедимости Божественного промысла обо всех нас. Житие святого служит цели не только дать нам образец благочестивой жизни, но и показать реальный пример одоления трудностей на пути христианина в его борьбе за свое спасение в этом мире. Дать пример того, как жизнь человека становится его Житием, как облик человека

преображается в икону и как грешная его плоть» обоживаясь, уподобляется высшему Образу - Богочеловеку Христу Спасителю.

Где же, как не в Житии, узнаем мы историю того, каким образом вся жизнь человека сумела так преобразиться, что смогла вписаться в эту «прорись» Жития святого и стать верным образцом «в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1 Тим. 4:12). Нет сомнений в том, что «икона показывает нам прославленное состояние святого, его преображенный, вечный лик»²¹, но при этом житийных клейм на иконе никто не упразднил, и они всегда были очень важны для православного сердца.

Говоря о велении сегодняшнего времени и потребности в пересмотре житий (жизнеописаний) подвижников, единственной основой которых является средневековое «типическое Житие», уверенно скажем следующее: весь путь, пройденный Святым к своему прославлению, есть бесценное сокровище Церковного Предания. Потому и суть жизненных обстоятельств, приведших подвижника к его Преображению, и усилия «ветхого» человека на этом пути должны быть описаны честно и мужественно, дабы быть близкими и понятными людям, вдохновлять их и являться примером любому простому смертному, встающему на путь спасения.

«...Обожение человека, которое передаст икона, не упраздняет ничего и истинно человеческого: ни психологического элемента, ни различных особенностей человека. Всякая икона святого показывает, в чем заключалась его земная деятельность, которую он обратил в духовный подвиг»²². Другое дело, что написание такой иконы требует особого призвания от Господа, очевидного таланта и непреременных аскетических и молитвенных усилий. В противном случае в силу вступает пародия на «поэтику уподоблений» и великие святители первых веков христианства пишутся с окладистыми бородами, в облачениях и клобуках архиереев XIX-XX вв. И это несмотря на то, что общедоступны современные им изображения, сохранившиеся на фресках и мозаиках.

Следует еще раз подчеркнуть, что написание жития подвижника - также есть делание сугубо духовное, молитвенное. Иными средствами невозможно постичь тайну «обожения» человека и исполнить главную задачу, стоящую при написании Жития подвижника, - исповедание православного догмата Преображения.

Всё без исключения, происходящее в жизни человека, есть реализация Божественного промысла о нем -- кто же дерзнет перечить Господу и перекраивать по своему вкусу историю жизни подвижника, искажая путь, которым Христос вел его к преображению, возводя на

Фавор его святости. Сегодня необходимо прийти к осмыслению того, что важнейшая задача, стоящая перед писателем Жития, - это заново прожить, «прострадать» жизнь Святого, дабы все его «человеческие мысли, знания, чувства и дела показать в их соприкосновении с миром Божественным», проследить, как «от этого соприкосновения вес очищается; то же, что не может очиститься, сгорает»³.

¹ Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей// Православный собеседник. Ч. 2. Казань, 1859. С. 89-120 (РНБ. Соловецкое собрание. №188. Л. 53).

² Повесть о преподобном Вардаамс Керецком вкратце изложена. РГДА. Ф. 196, №634.4.4,5.

³ И это в то время как тексты, написанные практически современником Трифона, Соловецким монахом Сергием (Шелониным), ясно говорят о «*мраке страстей*», одолевавших Трифона, о том, что он «*те неукротим*» и что монахи его монастыря «*твоей [Трифон] ярости и острожелчию [гневливости] подобятся*». «Канон преподобному Трифану Печенгскому чудотворцу», «Канон преподобному Варлааму Керетьцкому, новому чудотворцу» и другие. Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. №292. Л. 92-97 и 4!3-420об. соответственно.

⁴ Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей. С. 96.

⁵ Каянь (Каянские немцы) и Восточная Богиня (О^ег^отта) - в XVI в. все еще спорные земли, расположенные на восток от побережья Ботнического залива.

⁶ «Много народу ограбил и разорил он... и много крови пролил, в чем раскаялся и о чем горько сожалел» - подлинные слова Трифона из беседы с датским дипломатом. (Цит. по: *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии в XVI веке. Сообщение Симона вам Салингсна // Литературный вестник. Т. 1. Кн. 3. СПб., 1901. С. 3.

⁷ См.: *Мгппрофан {Баданин}, иеромонах.* Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей// Православные подвижники Кольского Севера: Кн. I. Мурманск, 2002.

⁸ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей

ледовательная его строгость вызвала активное сопротивление со стороны монахов и неприязнь со стороны епископа Афанасия, усмотревшим здесь косвенное обвинение и своему образу жизни,

¹⁰ На сегодня уже готовы материалы для написания нового Жития святого. См.: *Митрофан (Ваданин), игумен*. Преподобный Варлаам Керетский. Исторические материалы к написанию жития// Православные подвижники Кольского Севера: Книга III. Мурманск, СПб., 2007.

" Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. М., 1918. С. 25.

¹² *Гудзий НЖ*. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1973. С. 188. Упомянутый стиль «плетения словес», как одно из следствий «второго южнославянского влияния» на Русскую литературу, на сегодня весьма обстоятельно изучается как в России, так и за рубежом.

¹³ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви, М, 1997. С. 263.

¹⁴ *Лященко А.И.*, Пахомий Логофет// Христианство: Энциклопедический словарь. М.. 1995. С. 326.

¹⁵ *Яблонский В., священник*. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 3908. С. 1.

^й Понятно, что сам канон «типического жития» был заложен еще в византийской агиографии. Творчество Пахомия представляет собой лишь определенный - вершинный - этап развития канона на русской почве. См.: *Лопарев ХМ*. Греческие жития святых УШ и IX веков. Ч. 1. Современные жития. Пг., 1914. Из новейших работ по византийской топике упомянем: *Рга1зсь Тп. Оег Ба^юзгарЫзспе Тороз: ОпесЫ\$сбе НейщепуЦеп т пиПеИэуг-апнткеБег Ъ€*, ВегНп, Ы.-У., 2005.

^п *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. С. 262,

⁵⁸ Изучению этого явления в средневековой агиографии (к в медиевистике в целом) положил начало академик Д.С.Лихачев. Еще в 80-х гг. XX в. им был поставлен вопрос о создании Словаря средневековой агиографической топике. Ныне это явление подробно изучено, обобщено и систематизировано учеными Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук. См. многочисленные работы на эту тему О.В.Панченко, В.Н.Топорова, Т. Р. Руд и и другие.

¹⁹Надо заметить, что появление топосов можно обнаружить уже в Житии Феодосия Печерского XI в.

²⁰См.: *Маркелов Г.Б.* Святые Древней Руси. Материалы по иконографии. Т. 1. СПб., 1998.

²¹*Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви. М., 1997. С. 210.

²²Там же. С. 212.

²³Там же.

1Вспомним, что Феодорит был осужден по настоянию епископа Суздальского и Торусского Афанасия (князя Палецкого), который, по словам Курбского, бывшего **очевидцем** происходившего, был подвержен сребролюбию и пьянству. Феодорит же «от рождения своего чист и непорочен; к тому же трезвость во все дни живота своего хранящ». Когда же архимандрит Феодорит «обрел (в Спасо-Евфимиевом монастыре) зело необузданных монахов, своевольно не по уставам и святым правилам живущих», то пос-

Игумен Иоанн (Самойлов), *председатель Епархиальной богослужебной комиссии,*
клирик Московской епархии

МОЛИТВЕННОЕ ПРОСЛАВЛЕНИЕ СВЯТЫХ

I Тысячелетний юбилей Крещения Руси стал точкой отсчета нового периода истории Русской Православной Церкви. Прежде всего, мы имеем в виду внутреннюю церковную жизнь, в связи с полученной свободой со стороны государства. Справедливая оценка и осмысление пережитого открыли новые перспективы Православию. Русская Церковь, «возвратившись из плена», получила возможность осуществлять свою спасительную миссию. Кому обязаны мы? Кто даровал нам эту свободу? - Несправедливо, отвечая на этот вопрос, умолчать о наших небесных заступниках, русских святых тысячелетнего периода, и в особенности ! о сонме новомучеников и исповедников XX века. Для назидания потомству справедливость потребовала их церковного почитания и прославления в лике святых.

! В 1990 г. была закончена серия богослужебных месячных Миней юбилейного издания, посвященного 1000-летию Крещения Руси. До сих пор в состав Миней в основном входили службы в соответствии с греческим церковным Уставом и практикой греческой Церкви. При этом лишь некоторые из служб святым Русской Церкви были включены в состав богослужебных Миней и в состав Миней Дополнительной. А между тем в каждое столетие и почти в каждой епархии создавались «рукописные Миней» или целые Сборники со службами святым Русской Церкви, не говоря о прекрасных отдельных рукописях, а с XVIII в. - отдельных изданиях служб русским святым.

Богослужебно-календарная комиссия при Священном Синоде Русской Православной Церкви в 50-х гг. прошлого столетия, учитывая решения Поместного Собора 1917-1918 гг., ставила вопрос о необходимости соединения служб русским святым со службами святым Поместных Православных Церквей. Председатель Комиссии, ныне уже прославленный в лике святых священноисповедник Афанасий (Сахаров), участник Поместного Собора 1917-1918 гг., дал необходимое решение этого сложного литургического вопроса в «Богослужебных указаниях» на 1957 и 1958 гг. Святитель осуществил и редактирование текста всех

Миней, чтобы приблизить к пониманию современников церковнославянские языковые формы. Его заслугой стало и собирание отдельно изданных Служб русским святым.

Издательский отдел Московского Патриархата при издании юбилейных Миней учел работу святителя Афанасия. Однако полностью использовать его правку было невозможно, так как при подробном текстологическом анализе обнаружилась несовместимость предложенных им русифицированных форм со славянскими. Кроме того, предложенная правка не согласовалась с йотированными изданиями многих текстов из состава Миней.

Работа над юбилейным изданием Миней продолжалась более десяти лет. В сравнении с последним синодальным изданием, которое было положено в основу серии, новые Миней пополнились службами иконам Пресвятой Богородицы, вселенским и особенно русским святым. Некоторые из них, хранившиеся в архивах и библиотеках нашей страны, были опубликованы впервые, другие были присланы по просьбе Издательского отдела из Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, Горненской обители в Иерусалиме, из Югославии и Болгарии. Об особенностях каждого тома можно подробно узнать из кратких аннотаций в разделе «Библиография» «Журнала Московской Патриархии» за 1980-1990 гг.

Украшением издания стала Служба «Всем святым, в земле Российской просиявшим», празднование которым по Уставу Русской Православной Церкви положено во 2-ю Неделю по Святой Пятидесятнице.

Этот праздник, совершавшийся еще в Древней Руси, но не имевший широкого распространения, был восстановлен Поместным Собором Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. Инициатором его восстановления был профессор Петроградского университета Борис Александрович Тураев (+ 23 июля 1920). Древняя Служба XVI в. «Всем святым новым чудотворцам Российским», составленная иноком Григорием в обители преподобного Евфимия Суздальского, требовала доработки и дополнения. Этот труд взяли на себя Борис Александрович и иеромонах Владимирского Рождественского монастыря Афанасий, будущий священноисповедник Русской Церкви. Но исправление древней Службы оказалось нецелесообразным, потому составители решили позаимствовать из нее лишь немного, а все остальное составить заново. Частью ими были сложены совершенно новые песнопения, а частью позаимствованы из отдельных служб русским святым. За короткий срок (с 13 августа по 8 сентября 1918 г.) новая Служба была составлена, одобрена Поместным Собором и затем издана отдельной

брошюрой гражданским шрифтом. Однако уже через год после издания составители признали в тексте Службы ряд недостатков и пропусков и пришли к выводу о необходимости ее пересмотра, который осуществил святитель Афанасий.

Знаменательно, что майский том юбилейной Минеи, включивший в свой состав данную Службу, вышел в свет, когда Русская Церковь отмечала двойной юбилей святителя: 100 лет со дня рождения и 25 лет со дня его блаженной кончины. Это был своего рода подарок истинному русскому архипастырю, пережившему всю тяжесть стра-
! даний безбожных гонений, и вместе гимнографу, который стал пер-
' вым автором стихир новомученикам Российским:

/ *«Приидите, Небесный предстателие наши, к нам, / вашего чаю-
щим миюстивиаго посещения, / и избавите озлобленный мучитель-скими прецении / и
лютого неистовства неверных, / от нихже, яко пленницы и мази, гонимы есмы, / от места на
место часто преходя- \ це / и заблуждающе в вертепах и горах, / Ущедрише убо,
прехвальнии / | и даруйте нам ослабу / утолите бурю / и угасите еже на ны негодова- | те, /
Бога моляще, / подающаго вами Земли нашей велию милость»¹. [А вот и другая стихира
святителя, содержащая молитвенное прошение к Богу за Церковь и родное Отечество,
находящихся в плену безбожия: *«Отчаянии есмы / жития ради / и не имамы нрава доброде- /
тельна, / яко миро, приносим Ти, Гжсподи, / молитвы святых сродников \ наших. / Ие
отвержн Русь издревле Святую, / ныне же грехов наших ; ради люте стражду ющую. / Не
презри слезы верных сынов, / колен сво- | их пред Ваалом не преклонявших, / и ихже не
поразил еси, согрешающих. / Праймы нас, кающихся, Боже, / святых Твоих мольбами»¹.**

Прославление подвига новомучеников началось еще в самом начале господства безбожного атеизма. А стихиры святителя-исповедника, известные под кратким названием «Земле Русская...», восприняло верующее христианское сердце как призыв к подвигу, как благодарность Богу за пережитые страдания, как молитвенное прославление своих соотечественников и - как наставление нам, современным агиологам и гимнографам, свидетелям и очевидцам русской истории новейшего периода: *«Земле Русская, граде святой, украшай твой дом, в нем же Божественный велий сонм святых прослави>»*

Да, наступило новое время. Жизнь потребовала продолжить начатое дело святителя Афанасия и поставила нелегкую задачу: при глубоком осознании духовного подвига русских святых прославить теперь уже «велий сонм новомучеников и исповедников Российских».

В 1989 г. по благословению Святейшего Патриарха Пимена при Священном Синоде Русской Православной Церкви была образована

Богослужбная комиссия. Одной из главных ее обязанностей было редактирование и составление богослужбных текстов и чинопос-ледований новопрославленным святым. Так было положено начало гимнографическому творчеству в новых условиях жизни Русской Православной Церкви. За период своего существования Комиссия отредактировала и составила несколько десятков Служб и Акафистов русским святым. С особой ответственностью было воспринято членами Комиссии поручение Священного Синода о составлении общих Служб по ликам новомучеников Российских.

На заседании Священного Синода 7 мая 2003 г. Председатель Синодальной Комиссии по канонизации святых митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий представил Доклад о богослужбном почитании в Русской Православной Церкви новопрославленных святых. В частности он отметил: *«В связи с тем, что в Русской Православной Церкви за последние годы прославлено много подвижников веры а благочестия, большая часть из которых новомученики и исповедники Российские XX века, встал вопрос о составлении им богослужбных чинопоследований. Традиционно до составления таковых благословляется пользоваться Общей Минеей, Однако эти службы, составлен-ные святым древним, не вполне отражают подвига новых святых».*

Священный Синод, приняв во внимание замечание митрополита Ювеналия, поручил Синодальной Богослужбной Комиссии «составить прославленным новомученикам и исповедникам Российским XX века общие службы по чинам: священномученикам, преподоб-номученикам, преподобномученицам, мученикам, мученицам, свя-щенноисповедникам, преподобноисповедникам, преподобноисповед-ницам, исповедникам и исповедницам по такому же образцу, как это имеется в Минее Общей».

К настоящему времени эта работа завершена. Современное литургическое творчество пополнилось общими Службами новомученикам и исповедникам Российским XX века по всем ликам и в недалеком будущем, после завершения начатой работы над составлением Акафиста новомученикам, можно будет ставить вопрос о необходимости издания новой Общей Минеи. В ее состав должны будут войти:

1. Общая Служба всем новомученикам и исповедникам Российским. Память им совершается в ближайшее воскресенье к 25 января (7 февраля по новому стилю). В этой Службе после трех стихир великой вечерни на «Господи, воззвах», посвященных подвигу новомучеников, помещены отдельные стихиры святителю Тихону, патриарху Всероссийскому, первому священномученику - Владимиру Киевскому и священномученику Вениамину Петроградскому. В них

подчеркивается святительский подвиг и личный, мужественный пример стояния за веру Православную архиереев трех основных кафедр России. Особенностью канона стали ирмосы канона Великого четвертка, подчеркивающие неистовство и злобу предателей своего Отечества и их измену вере отцов.

2. Служба царственным страстотерпцам. Их память Церковь совершает 4 июля (17 июля по новому стилю). Подвиг царя-страстотерпца в этой Службе раскрыт следующими словами: *«Страстотерпце Христов,/ царю Николае/ по имени твоему житие твое./ Сего ради врази твои/ не возмогоша сокрыти славу твою./ Кроток бысть и молчалив во страданиях твоих,/ прося не мстити за себе./ Житие твое оклеветано бысть/кончина же твоя с мученики святыми слав-на./Моли о душах наших»* (Стихира по 50-м псалме). Ирмосы канона взяты из канона Великой субботы. Русь Святая лишилась своего помазанника через незаконное отцеубийство, но особым призывом-надеждой звучат слова тропаря 9-й песни канона: *«Да воскреснет Русь Святая молитвами царственных страстотерпец и новомученик Твоих, Господи,/ и да расточатся вси врази ея вскоре,/ и от лица ея да бежат вси ненавидящий ю отныне и до века»* (1-й тропарь канона 9-й песни).

3. Служба общая священномученику. В этом лике прославляются архиереи и священники, которым от Бога была вручена паства. Их личный пример жизни, запечатленный тяжкими страданиями и пролитием крови, послужил живой проповедью верности Богу. *«Преславне священномучениче (имя рек)/ ты жертву безкровную/ первее благо-говейне совершая/ послежде, яко всетодие/ себе самаго в .жертву живую принеся еси/ моля, да простится грех богоборчества народа нашего/И ныне Христу, святе, молися/ даровати людем российским/ мир и велию милость»* (Стихира на Господи, воззвах:).

4. Службаобщаяпреподобномученику.Вэтой Службе прославляется подвигпастыря-монаха. Безбожные гонения подвергли разорению все монашеские обители на русской земле, а их насельников - ссылке в тюрьмы. *«Приидите, мучениколюбцы/- призывает нас Святая Церковь, - возвеличим истинаго преподобномученика (имярек)/ иже Христа ради, узы темничныя/ мучения тяжкая и работы горькия претерпев/ лютую смерть от безбожных прияп есть/ Сего ради с лики царственных страстотерпцев/и всех новомучеников Российских/ Престолу Божию предстоит/ и молится о душах наших»* (Стихира на Господи, воззвах:).

5. Служба общая иреподобномученице раскрывает мученический подвиг женского монашества. Святые жены, удалившись от мира

ради любви ко Христу, в «награду» за свои иноческие подвиги получили от мира мученическую смерть. *«О, велия благочестия сило! Павел хвалит благочестивую жену, любящую мужа своего,/и наипаче ублажает девство Христа ради,/ты же, преподобномученице (имярек),/ Христа, яко Небесного Жениха, возлюбивши,/вся красная мира оставила еси/ и смерть мученическую прияла еси./ Ныне же с лики мудрых дев предстоиши одесную Христа,/молящи спастися душам нашим» (Стихира на Господи, воззвах:).*

6. Служба общая мученику свидетельствует о подвиге христианина-мирянина, который проявил твердое стояние за веру и не отрекся от Христа. *«Кшми достойными песньми/ воспоем новомученика Христова (имярек)?/Иже, заповеди Господни исполнив,/узы темничным, труды горькая и изгнания претерпе/ и даже до смерти Христу верным пребысть./Ныне же молится даровати нам/мир и велию милость» (Стихира на Господи, воззвах:).*

7. Служба общая мученице прославляет верность жены-христианки. Ее подвиг раскрыт в тропаре: *«Благочестно в законе Господни поживши,/веру Православную сохранила еси/ и, терпением гонители Церкви Русския посрамивши,/смерть за Христа прияла еси, мученице славная (имярек),/престолу Божию предстоящи,/моли спастися душам нашим» (Тропарь, глас 4).*

Упомянутые Службы по чинам раскрывают подвиг новомучеников и исповедников Российских, *«во дни гонения безбожного жизнь свою за веру во Христа положивших и кровью Истину соблюдавших» (Тропарь новомученикам, глас 4)*. Но были и те, кто не пролил своей крови, а, пережив всевозможные скитания, тюремное заключение и тяжелые лагерные работы, промыслом Божиим были оставлены как живые свидетели-очевидцы для утверждения в вере современников. Общие Службы, составленные им, можно выстроить в следующем порядке:

8. Служба общая священноисповеднику. Подвиг этого чина прославляется такими словами: *«Священноисповедниче отче (имярек),/ ты, во дни отступления от веры сродников наших/ Христу ревностно последуя,/ страданием вольным и исповеданием твердым,/ яко истинный пастырь показался еси/ и, слово Божие проповедав,/ правило веры людем православным/ и учитель благочестия явился еси./ Темже ныне, наслаждаяся радости Небесная,/моли спастися душам нашим» (Стихира на Господи, воззвах:).*

9. Служба общая прендобноисповеднику. Святые этого чина - оставшиеся в живых пастыри и миряне монашествующие. Святая Церковь призывает своих чад прославлять этот лик такими словами:

«Приидите, вси верши,/ достойно воспоем отца преподобного,/ сей бо, подвиг страдания и исповеди и чества совершив/ и последи благо-честно пожив,/ Богу в мире душу предал еси/ и от сущих zde к вечным жилищем преставился еси,/ идеже молится о душах наших» (Словник на Стиховне),

10. Служба общая преподобноисповеднице. Прославляя мученический подвиг женского монашества, следует выделить подвиг тех жен, которые, пережив всю тяжесть страданий и лютых гонений, свою мирную кончину запечатлели победоносным исповеданием веры: *«О, преспавнога чудесе!./ Кровоточивая жена верою иногда исцелися/ ты же, честная, (имярек),/ узы темничныя и страдания восприемши,/ твердым исповеданием веры Христовы/ гонителей посрамила еси/ и, яко жена, любящая Господа,/ достойно и праведно пожила еси./ Темже тя прославляем» (Стихира на Хвали тех),*

11. Служба общая исповеднику. К этому чину принадлежит мирянин-христианин. Его жизнь, как живая проповедь пережитого горя, прославляется такими словами: *«Исповедниче мудре (имярек),/ ты, во дни испытания веры в земли нашей/ Христу с любовью последуюя,/ страданием вольным и исповеданием твердым/ образ верным показался еси/ и, немощныя в вере укрепив,/ утешение людем православным/ и учитель благочестия явился еси./ Темже ныне, наслаждался радости Небесным,/ моли спастися душам нашим» (Стихира на Господи, воззвах:),*

12. Служба общая исповеднице. Эта последняя Служба воспевае страдальческий подвиг жены-христианки. К ней обращено молитвенное воззвание: *«О, доблественная исповеднице Христова (штрек), земли нашея доброе прозябение, Церкви Русская избранная дочь! Кто не удивится силе Вожейей, в немощи твоей совершившейся? Ты бо, мужески враги видимый и невидимый низложивши, заточения и многия муки Христа ради претерпела еси и Царствие Небесное наследовала еси» (Молитва).*

Однако следует отметить, что составленные общие Службы новомученикам и исповедникам Российским - это только первый этап гимнографического прославления их подвига. Да, теперь в каждой епархии нашей Церкви появилась возможность молитвенного почитания прославленных новомучеников, соответственно их лику, но среди них есть такие, кто, претерпевая всевозможные пытки хитрых, жестоких гонителей, отличился особенным мужеством стояния за Православную веру и пламенной любовью к Богу и Отечеству. О них нельзя умалчивать, их подвиг нужно раскрывать составлением отдельных гимнографических текстов.

27 декабря 2000 г. на заседании Священного Синода было принято «Положение о Епархиальной богослужебной комиссии, порядке рассмотрения и рекомендации к употреблению за богослужением Русской Православной Церкви вновь составляемых богослужебных текстов» (*Журнал №21*). Этот документ определил цель и задачи деятельности епархиальной Богослужебной комиссии. Основной ее задачей является подготовка текстов новых Служб, акафистов, тропарей, кондаков, молитв и других богослужебных текстов святым, особо чтимым в данной епархии.

Богослужебная комиссия Московской епархии была образована распоряжением митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия 13 декабря 2000 г. За восемь лет Комиссия провела 27 заседаний, на которых рассматривались и редактировались богослужебные тексты. Владыке Митрополиту были представлены на утверждение девять акафистов, среди них 3 новомученикам, десять Служб святым, среди них 9 новомученикам, и семи прославленным новомученикам были составлены Тропари, Кондаки с Молитвами.

Как показала действительность, прославление святых *«песнями и пеньми духовными»* оказалось делом непростым. Дефицит специалистов в области гимнологии не позволяет во всей полноте претворять в жизнь данное «Положение» во многих епархиях. Намного проще оказалось изложить на бумаге жизнь святых или написать им иконы, нежели составить песнопения - поэтические тексты, предназначенные для церковного исполнения. Статья «О трудностях современной гимнографии» была нами написана и опубликована в «Московских епархиальных ведомостях» за 2006 г. (№11-12. С. 158-160). В ней говорится о трудностях работы Богослужебной епархиальной комиссии и предложены рассуждения о задачах и методах русской гимнологии.

Анализируя богослужебные тексты современных гимнографов, нельзя не обратить внимание на увлечение написанием Акафистов. Именно им отдается большее предпочтение, чем составлению Службы. На наш взгляд, это неверно. Мы можем согласиться, что Служба совершается один раз в год, а Акафист может читаться каждый день. Но не будем забывать, что акафистное пение, имея особый жанр, более приличествует келейному употреблению. А без Службы, которая и совершается один раз в году, невозможно прославить святого в день его памяти.

Да, составление Службы - это особое творчество. Церковными песнями изобразить лик святого, раскрыть в полноте его духовный подвиг, восхвалить и прославить, найти слова и молитвенные обра-

щения, доступные современному слушателю, способные разбудить и умирить его сердце, настроить на молитву и богомыслие - благодатное, но нелегкое дело. И если именно это останавливает современного гимнографа к написанию Службы, то, на наш взгляд, можно было бы пока ограничиться составлением святому тропаря, кондака и молитвы. Эти три богослужебных текста при отправлении Общей службы в день памяти святого помогут молящимся глубже рассмотреть его гимнографический образ и дают возможность ежедневного литургического почитания при совершении молебна.

На сегодняшний день в сонме новомучеников поименно прославлено 1765 человек. В каждой епархии нашей Церкви появились новые ходатаи пред Престолом Божиим. *«Почитание новомучеников и исповедников Российских, ■- сказал в своем выступлении на последнем Архиерейском соборе митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, - стало яркой чертой возрождающейся церковной жизни... Память о новомучениках должна бережно храниться в тех местах, где протекала их жизнь, где совершен ими подвиг ради Христа. Новое поколение христиан, которое не застало гонений, должно воспитываться в любви и почитании к тем, кто ради веры и из любви ко Христу претерпел все скорби и лишения»⁴.*

Особая ответственность за воспитание нового поколения в духе подвига новомучеников легла на плечи пастырей. Отныне они обязаны с особым благоговением относиться к их прославлению, которое должно быть постоянным и проходить в двух аспектах: богослужебно-литургическом и нравственно-назидательном.

В тех приходах и монастырях, где совершали пастырское или церковное служение прославленные новомученики, должно быть частым, а лучше ежедневным, совершение им молебнов и непременно поминание их имен на отпустах. Пастыри же проповедники в своих поучениях должны чаще обращаться к повествованию их жизнеописаний, назидая паству примером мученического подвига.

Удачной и достойной подражания можно признать практику Московской епархии в установлении общей соборной памяти новомучеников и исповедников Российских, подвиг совершавших в отдельном благочинии. Эта церковная память, объединившая в один лик поименно прославленных новомучеников, собирает на молитвенное почитание их подвига все духовенство и церковный люд.

Видимым знаком почитания должно быть написание икон новомучеников и строительство в честь их храмов. А лучшей формой сохранения памяти имен святых может стать нарицание в честь их младенцев при совершении таинства Крещения. В этой форме для нового

члена Церкви содержится и пожизненное подражание подвигу своего небесного покровителя и ежедневное молитвенное обращение.

С особым вниманием следует отнести к словам митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, сказанным на Архиерейском соборе 2008 года; *«Считаю своевременным поручить Учебному Комитету включить в образовательный процесс в духовных школах изучение жизненного подвига и богословского наследия новомучеников и исповедников Российских»*². Думается, было бы весьма полезным для Церкви также при духовных семинариях организовать и гимно-графические кружки, в которых могли бы обучаться песнотворче с кому искусству способные студенты, будущие пастыри нашей Церкви. Именно на студенческой скамье учащимся нужно внушить, что прославление и почитание русских святых способно наполнить духовным содержанием их будущее приходское служение, а в сердцах прихожан через преемственность поколений - укрепить память о великом подвиге веры, который совершался в нашей стране в годы гонений на веру.

Свое выступление нам хочется закончить словами церковной песни: *«О велицѣи страстотерпцы, новомученицы Россійстии, с лю-бовио припадаем к вам и, благоговейно лобызающе раны ваша, прославляем ваша подвиги и молимся: молитѣ о душах наших»* (стихира Малой вечерни на Господи, возвах: Службы новомученикам и исповедникам Россійским).

² Минея Май. Ч. 3. М.: Московская Патриархия, 1987. С. 326.

² Там же. С. 348.

³ Там же. С. 327.

⁴ Московские епархиальные ведомости. 2008. №7-8. С. 47.

⁵ Там же.

Наталья Александровна Кривошеева,
*старший научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского
Гуманитарного Университета*

НОВОМУЧЕНИКИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ -ЧЛЕНЫ ПОМЕСТНОГО СОБОРА 1917-1918 гг.¹

«История Православной Церкви есть прежде всего история ее святости. И каждая Поместная Церковь лишь тогда в полной мере осуществляет свое духовное призвание, когда не только являет в своей ограде подвижников православного благочестия, но и прославляет своим соборным волеизъявлением этих подвижников как канонизованных святых. Подвергшаяся в XX в. жесточайшим гонениям, которые по своим масштабам и изощренности превзошли гонения первых христиан, Русская Православная Церковь явила христианскому миру великий сонм подвижников православного благочестия, мучеников и исповедников»-.

Значение святости в Церкви было в полной мере осознано Священным Собором Православной Российской Церкви 1917-1918 гг., на котором были канонизированы святитель Софроний Иркутский и священномученик Иосиф Астраханский. 13(26) августа 1918 г. Священным Собором было принято решение «О восстановлении празднования дня памяти всех святых российских», в котором говорилось о включении в православный месяцеслов всех русских святых, а 21 августа (3 сентября) 1918 г. было принято определение Священного Собора «О порядке прославления святых к местному почитанию». Служба всем русским святым писалась соборными и после закрытия Собора. После смерти академика Бориса Александровича Тураева эту работу продолжал в течение всей своей жизни член Собора епископ-исповедник Афанасий (Сахаров),

В истории Русской Церкви известны соборы, которые созывались только с целью канонизации святых, - это соборы 1547 и 1549 гг., на которых было прославлено сразу 39 святых. Но в истории Русской Церкви не известны соборы, среди участников которых было бы столько

святых, мучеников и исповедников, как среди участников Священного Собора, открывшегося 15 августа 1917 г.

Собор был созван в переломный момент русской истории, спустя три года после повсеместного празднования 1600-летия со дня выхода Миланского эдикта, поэтому трудно было представить, что на Русскую Православную Церковь обрушатся такие гонения, каких не знал мир. Но эти времена наступили. И первым, кто дал оценку происходившим событиям, был именно Священный Собор.

Летом 1917 г, были зверски убиты протоиерей Николай Скворцов и члены его семьи. Начались повсеместные оскорбления священнослужителей. Но с началом октябрьского переворота гонения на духовенство начинают нарастать и носят уже систематический характер. Только в последнее время появились сведения о преследовании митрополита Московского Тихона: в первые дни московских боев, 25 октября, на Троицкое подворье явился отряд для совершения обыска. Эти скорбные дни совпали с величайшим событием в Русской Церкви - восстановлением Патриаршества, но и оно было омрачено расстрелом Московского Кремля. И вновь избранный Патриарх Тихон, готовившийся к интронизации в Троиц-Сергиевой Лавре, был подвергнут обыску, причем при обращении к властям, последние заявили, что им ничего не известно. Появляются первые мученики новых времен. Сначала в Петрограде был убит 31 октября 1917 г. протоиерей Иоанн Кочуров, затем спустя полтора месяца отец Петр Сипетров.

Перед открытием Второй сессии Собора выходит знаменитое послание Патриарха Тихона от 19 января 1918 г., известное как послание об «анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной». Большинство исследователей оценивают это послание как анафематствование большевиков, и хотя большевики отнесли его на свой счет, это не совсем верно. Послание было обращено ко всем «творящим беззакония». «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы», - призывал Патриарх Тихон. Послание было выпущено за 5 дней до выхода знаменитого декрета о «свободе совести».

Открывая первое заседание второй сессии Собора, Патриарх Тихон сказал: «Очень рад, что вы снова собрались сюда, потому что текущие обстоятельства и время, которое мы переживаем, требуют объединения, чтобы мы могли выступать на защиту Церкви Божией совместными дружными усилиями. Вы знаете, что, когда Собор временно прекратил свои занятия, за этот перерыв правительство обратило неблагосклонное внимание на Церковь Божию. Оно выпустило ряд декретов, которые начинают приводиться в исполнение и нарушают

основные положения нашей Церкви. Как отнестись к этим декретам, как им противоборствовать, какие меры предпринять - это лучше всего обсудить и решить на Соборе. Посему наступающая сессия Собора, которая, надеюсь на милость Божию, будет благоприятна, кроме текущих задач имеет и специальную задачу: обсуждение того, как отнестись к текущим событиям, касающимся Церкви Божией»³,

Во время всеобщей разрухи и анархии Священный Собор являлся единственным законным выразителем дум и чаяний лучшей части русского народа. Быть может, как никогда в своей истории, Русская Церковь свободно и нелицеприятно оценивала происходящие события с точки зрения как духовной, так и нравственной.

Поэтому первые же заседания второй сессии Собора были целиком посвящены событиям, происшедшим в стране. Собор, опасаясь за жизнь Святейшего Патриарха, обратился к нему с просьбой на непредвиденный случай оставить распоряжение о Местоблюстителе Патриаршего Престола. Совет московских приходских общин принял решение об охране Патриарха.

3 (16) февраля 1918 г. Патриарх Тихон сообщил Собору горестную весть о мученической кончине Почетного председателя Собора -митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского). Это событие потрясло членов Собора. 15 (28) февраля состоялось траурное заседание Собора, посвященное памяти митрополита Владимира. Открывая заседание, Патриарх Тихон сказал: «Ужасное, кошмарное злодеяние, которое совершено было по отношению к Высокопреосвященному митрополиту Владимиру, конечно, еще долго и долго будет волновать и угнетать наш смущенный дух». И 90 лет спустя это не может не волновать христианскую совесть. Далее Святейший сказал; «Конечно, судя по-человечески, ужасною кажется эта кончина, но нет ничего напрасного в путях Промысла Божия, и мы глубоко верим... что эта мученическая кончина Владыки Владимира была не только очищением вольных и невольных грехов его, которые неизбежны у каждого, плоть носящего, но и жертвою благовонною во очищение грехов Великой Матушки России)».

В этот же день было принято «Постановление Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода о деятельности церковно-ад-министративного аппарата в условия новой государственной власти», в котором говорилось, что «новые условия церковной жизни требуют от церковных деятелей, особенно местных, чрезвычайного внимания и напряженных усилий для того, чтобы надлежаще и с добрым успехом совершать духовное делание, невзирая на встречаемые препятствия и даже гонения»⁴, и открыто заявилось, что «Все восстающие на

Святую Церковь, причиняющие поругание святой православной вере и захватывающие церковное достояние, подлежат, невзирая на лица, отлучению церковному»⁵.

Если первой вершиной Священного Собора истории считают восстановление Патриаршества, то второй вершиной явилось заседание, посвященное памяти убиенного митрополита Киевского Владимира.

Промыслительно, что из живших в XX в. канонизированных святых Русской Церкви первым был канонизирован Патриарх-исповедник святитель Тихон, а вторым - священномученик митрополит Владимир.

На 104 заседании Собора 15/28 марта 1918 г. было зачитано предложение (подписанное 51 членом Собора) о проведении внеочередного заседания для заслушания списка лиц, подвергшихся гонениям за веру Христову, и предложение Василия Ивановича Зеленцова о необходимых распоряжениях в связи с гонениями на Церковь. Было зачитано также сообщение Соборного Совета о создании на местах особых комиссий, разбирающих случаи гонения за веру, и о том, что все случаи гонений, информация о которых поступила в Собор, обязательно докладываются на общих заседаниях Собора. Соборный Совет также постановил образовать специальную Комиссию для разработки вопросов, связанных с гонениями на Церковь. В состав Комиссии должны войти архимандрит Вениамин, архимандрит Матфей (Померанцев), протоиерей Павел Лахостский, протоиерей Петр Миртов, Георгий Булгаков, Игорь Иванович Беликов, Михаил Федорович Глаголев Василий Иванович Зеленцов, Николай Николаевич Медведков, ТИХОЕ Николаевич Нечаев. Комиссия должна заниматься всеми известными Собору фактами преследований за веру Христову. Особые предложения В.И.Зеленцова, связанные с фактами гонений, передают^ во вновь учрежденную Комиссию. Собор утверждает постановление Соборного Совета.

Гонения на Церковь и расправы над священниками являются тсмо* почти всех заседаний третьей сессии. Сессия начинается панихидой по убиенному царю Николаю II и заканчивается чтением на последне^ заседании мартиролога новомучеников. Согласно этому списку, к кон цу занятий Собора 121 член Русской Православной Церкви пострадш за веру; 97 человек были известны по именам; имена 24 оказались не известными; 118 человек находилось в заключении. Заканчивая чте ние этого мартиролога, секретарь Собора Василий Павлович Шеш указал на неполноту сведений о гонениях. Возможно, в список попал* лишь десятая часть мучеников за веру⁶. Среди новомучеников был!

названы: митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), епископ Тобольский Гермоген (Долганев), епископ Орловский Макарий (Гневушев) и епископ Кирилловский Варсонофий (Лебедев); два архимандрита; восемь протоиереев, в том числе Философ Орнатский, настоятель Казанского собора в Петрограде, и Иоанн Восторгов, настоятель собора Василия Блаженного на Красной площади в Москве; 20 священников; 8 монахов и 7 мирян. Среди новомучеников, чьи имена не были известны, было 7 священников и 18 мирян.

Собор продолжил расследование обстоятельств убийства митрополита Владимира (Богоявленского). На 138-м заседании говорится о создании украинской комиссии для расследования этого убийства. На 139-м заседании сообщается, что 25 июля/7 августа будет совершена панихида об убиенном митрополите. Наконец на 150-м заседании соборная комиссия прекращает свою работу, так как аналогичная комиссия существует в Киеве.

Для облегчения положения Церкви в государстве Собор пытается взаимодействовать с Советом народных комиссаров. На 138-м заседании решается вопрос передачи материалов о гонениях в СНК. На 148-м заседании ставится вопрос о необходимости дополнить Комиссию о гонениях новыми членами. На 149-м заседании вместо архимандрита Матфея (Померанцева), архимандрита Вениамина, Г.И.Булгакова, И.И.Беликова, Н.Н.Медведкова и Т.Н.Нечаева избраны епископ Тамбовский Зиновий (Дроздов), протоиерей Николай Цветков, протоиерей Сергей Четвериков, граф Димитрий Адамович Олсуфьев, Сергей Илиодорович Шидловский и протоиерей Александр Хотовицкий. На 165-м заседании Собор поддерживает ходатайство Совета объединенных приходов Москвы перед СНК о разрешении причащать приговоренных к смерти и о выдаче родственникам тел расстрелянных.

Для поддержки арестованных Собор предпринимал значительные усилия. Так, на 131-м заседании принимается решение направить в Пермь для помощи арестованному члену Собора епископу Андронику (Никольскому) делегацию Собора в лице епископа Серафима (Александрова) и Николая Григорьевича Малыгина. Прекращение железнодорожного сообщения с Пермью делает эту поездку невозможной. Однако позже в Пермь отправляются епископ Василий (Богоявленский) и Алексей Данилович Зверев, в Перми к ним присоединился архимандрит Матфей (Померанцев). В Перми они были зверски убиты, в 2000 г. епископ Андроник и все члены делегации были причислены к лику святых.

Сообщения о расстрелах звучат почти на каждом заседании Собора, среди умученных упоминаются и члены Собора: епископ

Тобольский Гермоген (Долганев), Борис Андреевич Бялыницкий-Бируля, Георгий Иванович Полонский. Наконец, на последнем заседании (170-м) зачитывается полный список новомучеников, имена которых были известны к моменту закрытия Собора. Сравнение этого списка с данными ГПУ (организации, по понятным причинам не склонной завышать число расстрелянных) показывает, как мало знала соборная Комиссия по гонениям о подлинных масштабах репрессий. Подготовленный Собором список включает лишь небольшую часть принявших мученическую кончину. Начавшаяся гражданская война весьма затрудняла связь в стране, и многие сообщения не могли дойти до Москвы.

Положение Церкви в государстве значительно осложнилось в связи с выходом в августе 1918 г. Инструкции к декрету от 23 января. Выход Инструкции весьма бурно обсуждался на Соборе. В проекте заявления Патриарха Тихона и Священного Собора в Совет Народных Комиссаров по поводу выхода Инструкции открыто говорилось; «Вот уже более полугодия прошло с тех пор, как декретом народных комиссаров от 23 января 1918 г. под заглавием «О свободе совести» Русская Церковь поставлена в положение не только фактически, но и юридически гонимой»⁷. Далее в данном обращении излагается история и практика внедрения данного декрета. И наконец, в послании обрисовывается картина после выхода 30 августа Инструкции к данному декрету.

«Итак, последняя «Инструкция» комиссаров ставит Православную Церковь пред лицом неизбежного исповедиинства и мученичества, а российскую коммунистическую власть обрисовывает как власть, сознательно стремящуюся к оскорблению народной веры, очевидно в целях ее уничтожения.... Мы уже не взываем, как прежде, ни к национальной истории, ни к общественному благу, ни к отвлеченной идее разделения Церкви и государства, ни к идее истинной, или только условной, политической свободы, ни к праву и справедливости, ни к любви и общечеловеческому братству. За истекшее полугодие все для кого-либо возможные ожидания в этом направлении рассеяны советской властью»⁸.

Митрополит Арсений (Стадницкий) перед началом обсуждения вышедшей инструкции на закрытом заседании Собора 18 (31) августа 1918 г., сказал: «Мне представляется, что скоро к центру из периферии - провинции - понесутся вопли о творимых ужасах, об оскорблениях религиозного чувства, когда все имущества и храмы будут переданы совдепам, состоящим из людей разных вероисповеданий, и не только христианам. Беспомощные, они будут взывать к

нам, они будут обращать свое внимание на Собор, на который возлагалось столько надежд и созыв которого оправдался чрезвычайными обстоятельствами, в которых мы живем. Эти вождения имеют основу, и если Собор до сего времени существует, то, может быть, в целях Промысла Божия, ожидая момента, когда в нем почувствуется особая надобность. Все наши узаконения рассчитаны на нормальную жизнь <...> все наши узаконения теряют силу, если воцарится порядок, устранивающий земное существование Церкви. И Собору нужно откликнуться, показать, что Собор есть выразитель сознания всей Церкви, мы, как полномочные представители Церкви, должны откликнуться на это беспримерное явление в мировой истории, должны воплотить вождения, с созывом его связанные, ибо если это явление пройдет мимо нас, то суд истории поставит нам в вину то, что мы не сказали надлежащего слова. Теперь взоры всей Православной России обращены на Церковный Собор, и нам нужно отнестись серьезно к этому явлению. <...> Быть может, теперь и приспело время подвига, исповедничества и мученичества, того подвига, о котором мы только читали, как происходившем в древние времена христианства и в других государствах, подвига, который мы считали в отдаленной возможности, а теперь видим в действительности; мы должны показать на самом деле, что мы христиане. И если покажем это, то покажем пример православному населению, что подвиг нужен. Они ждут примера, слова на подвиг не призовут. <...> Будем верить, что если будут исповедники и мученики, то сила исповедничества и мученичества выше гонения, будем верить, что сила гонений будет посрамлена»⁹.

И действительно, многие члены Собора стали исповедниками и мучениками. Враждебные Церкви силы сделали все, чтобы выработанные им меры по преобразованию начал церковной жизни не дошли до православного населения, чтобы имена соборян были забыты. Были изъяты и долгие годы хранились в спецхранах материалы о работе Собора, изданные им документы были также недоступны, советские историки всячески старались дискредитировать его деятельность, И эта работа не прошла даром, к сожалению, и сейчас появляются публикации, авторы которых, не разобравшись толком, пытаются судить о его работе, резким оценкам подвергаются и сами члены Собора.

Члены делегации Собора для защиты пред правительством имущественных и иных прав Православной Церкви бесстрашно вступали в борьбу за законные права Церкви. Образованная Комиссия по гонениям на Православную Церковь рассматривала все поступающие с мест сообщения о бесчинствах властей на местах, как могла, защищала чад Церкви от творимого произвола.

Комиссия по гонениям стала первым архивистом и историком гонений на Церковь. В нее «потекли вопли и стоны о творимых ужасах». В архивах Собора сохранилось несколько томов заявлений с мест, в которых писалась история крестного пути Русской Церкви. Эта история писалась соборянами и после закрытия Собора, члены делегации Высшего церковного управления для защиты пред правительством имущественных и иных прав Церкви, в которую входили соборяне, продолжали собирать сведения до августа 1919 г. Журнал заседаний Делегации и документы к нему были предъявлены святителю Тихону как «вещественное» доказательство его вины. Деятельность Делегации прекратилась только после ареста ее главных членов: Николая Дмитриевича Кузнецова и Александра Дмитриевича Самарина, которых Ревтрибунал приговорил к высшей мере наказания - расстрелу (который был заменен длительным сроком заключения, позднее оба они умерли в ссылках).

В определении Собора от 5 (18) апреля 1918 г. «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь» устанавливалось совершать поминовение «всех усопших в нынешнюю годину гонений исповедников и мучеников» в день памяти священномученика Владимира 25 января (если этот день воскресный) или ближайшее за ним воскресенье. Это постановление Священного Собора, как никакое другое, выражало требование христианской совести. Члены Собора исполнили это определение, проведя богослужение, посвященное памяти первых новомучеников XX в. и огласив первый мартиролог. Для многих неисполнение этого определения Священного Собора воспринималось как церковный и личный грех. Для священнослужителей поминовение умученных и молитва за заключенных влекли за собой смертный приговор или длительное заключение в концлагерь. В 1992 г. Архиерейский Собор восстановил празднование Собора новомучеников и исповедников Российских (хотя, надо сказать, это празднование никто не отменял), в этот день празднуется память уже прославленных поименно новомучеников и исповедников, среди которых и 50 имен членов Собора 1917-1918 гг. На последнем заседании Собора будущий священномученик Сергей (Шеин) - секретарь Собора, тогда еще Василий Павлович Шеин - зачитал список первых новомучеников, согласно которому, к концу занятий Собора 121 член Русской Православной Церкви пострадал за веру: 97 человек были известны по именам, имена 24 оказались неизвестными; 118 человек находилось в заключении. Заканчивая чтение этого мартиролога, секретарь Собора В.П.Шеин указал на неполноту сведений о гонениях, среди них не были известны имена всех первых мучеников - членов Собора.

Во время работы Собора мученически погибли следующие члены Собора: митрополит Киевский Владимир, архиепископ Андроник (Никольский), архимандрит Варлаам (Коноплев), члены Соборной комиссии по расследованию обстоятельств мученической кончины архиепископа Андроника архиепископ Василий (Богоявленский), архимандрит Матфей (Померанцев), миссионер Александр (Зверев), мученически погибли епископы Гермонен (Долганев), Ефрем (Кузнецов), Иоанн (Левицкий), протоиереи Иоанн Шарин и Николай Брянцев, миряне Александр (Ница), Георгий Полонский, Борис Бялиницкий-Бируля, миссионер Николай Варжанский и еще «их же имена Ты, Господи, веси». Немало было арестовано членов Собора и во время его работы. Собор, как мог, помогал своим исповедникам; среди них: 1) мирянин Карташев Антон Владимирович (был арестован сразу после октябрьского переворота), 2) епископ Нестор (Анисимов) - арестовывался несколько раз во время работы Собора, 3) протоиерей Николай Павлович Добронравов, 4) епископ Прокопий (Титов), 5) архиепископ Митрофан (Симашкевич), 6) епископ Сильвестр (Ольшевский), 7) мирянин Клевезаль Владимир Павлович, 8) мирянин Маршан Петр Андреевич, 9) священник Кудрявцев Сергей Николаевич, 10) священник Андриевский Иоанн Филиппович, 11) мирянин-крестьянин Арапов Александр Иванович, 12) протоиерей Краснов Леонид Матфеевич, 13) мирянин Иванцов Сергей Николаевич, 14) священник Шарин Иоанн Сергеевич, 15) протоиерей о. Спасский Георгий Александрович и еще неизвестные нам соборяне.

Во время работы Собора в апреле 1918г. было начато Московским ревтрибуналом следственное дело против Патриарха Тихона, переданное потом во Всероссийский трибунал. Одновременно было заведено и следственное дело против членов Высшего Церковного Управления. Судьба многих членов ВЦУ неизвестна и поныне.

В Ни кол о-Кузнецком храме ежедневно поминаются имена новомучеников и исповедников, пострадавших в данный день в годы гонений, хранящиеся в базе данных, содержащей сведения примерно о 30 тысячах пострадавших, из них сведения и о пострадавших соборянах, которые составляют половину участников Священного Собора. В настоящее время известно, что около 300 (из 600) членов Собора были расстреляны, умерли в ссылках, прошли лагеря и ссылки, тюремные заключения, о многих же не осталось никаких сведений.

В 1989 г. Патриарх Тихон был прославлен в лике святых, спустя два года были причислены к лику святых митрополиты Владимир и Вениамин (Казанский), до 2000 г. из вновь обретенных святых каждый второй был членом Собора 1917-1918 гг.

К настоящему времени в поименный список новомучеников и исповедников Российских внесены имена 50 членов Собора. Таким образом, каждый десятый член Собора уже причислен к лику святых.

Теперь в епархиях собирают сведения о пострадавших священнослужителях, но многие миряне - истинные служители нашей Церкви в этих списках не указаны. Судьбы многих членов Собора, особенно мирян, совершенно неизвестны. В некоторых случаях мы знаем о судьбе одного или двух соборян из целой епархии. Во многих случаях известен только факт мученической кончины, или ареста, или заключения без каких-либо подробностей, ибо мартирологи не дают никаких сведений о пострадавших.

Известно, что каждый второй соборянин прошел крестный путь, но пострадавших было гораздо больше. Члены Собора сохраняли свои полномочия до созыва следующего Собора, но лишь несколько человек из оставшихся в живых приняли участие в работах Архиерейского Собора 1943 г. и Поместного Собора 1945 г.¹⁰

Поэтому наш христианский долг собрать сведения о всех членах Священного Собора 1917-1918 гг. Эта работа под силу только соборной деятельности Церкви.

В июне 1919г. праздновалась впервые память Всех святых, в земле Российской просиявших. Святитель Тихон раскрыл смысл для христианина поклонения святым: «В службах церковных святые Божий нередко называются звездами путеводными. Как по звездам небесным в мраке ночном путники направляют свой путь, так и мы, ныне сбившись с истинного пути, должны направлять путь свой, взирая на этих небесных человек, с вторых небес мерцающих и указующих нам, какого пути нам держаться. И святители и правители, и воины и мирные жители, и богатии и убозии, и монахи и мирские люди, и старцы и юноши, и девы и жены - все в сонме русских святых найдут себе наставников и руководителей, лишь бы не ленились взирать на жития их и подражать им. И к этому нас ныне и призывает Церковь»¹⁵.

¹ Публикация осуществляется в рамках исследовательского проекта РГНФ 08-01-00106а.

¹ Канонизация святых в XX веке. М., 1999. С. 3.

³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917-1943: Сб. в 2 ч./ Сост. М.Е.Губонин. М: ПСТБИ: Братство во имя Всемилоостивого Спаса, 1994. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви). С. 85-86.

⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917-1943. С. 96-99.

⁵ Там же.

⁶ Так, Собор не зная о мученической кончине ей. Андроника (Никольского), убитого 20 июня 1918 г.

⁷ ГАРФ.Ф. 3431. Оп. 1.Д. 162. Л. 5. ⁸ Там же.

Н'АРФ.Ф. 3431. Оп. 1.Д. 156. Л. 73-75.

¹⁰ См.: Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947, С. 325.

¹¹ «Да будем союзом любви связуемы»: Неизвестные проповеди святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России./ Публ. и ком. И.ПЖияновой. // Богословский сборник. Вып. 12. М., 2003. С. 307-310.